

препровожденъ за границу. 13 декабря того же года въ совѣтъ доложено было сообщеніе кн. А. Н. Голицына о постановленіи комитета министровъ¹⁾.

VIII.

Заграничная агитація по дѣлу Шада.

Министерство напрасно рассчитывало однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ дѣломъ Шада. Онъ обладалъ громаднымъ запасомъ жизненной энергіи, настойчивостью, упрямствомъ, вѣрою въ правоту своего дѣла; по его убѣжденію, истина рано или поздно должна была восторжествовать и на его обязанности и именно лежало раскрытіе правды, изобличеніе истинныхъ виновниковъ его несчастія. Наконецъ, онъ стремился и къ тому, чтобы русское правительство вознаградило его за нанесенный ему матеріальный ущербъ и обезпечило до нѣкоторой степени и его самого на старости лѣтъ, и въ особенности его семью, которая дѣйствительно страдала безъ всякой вины съ ея стороны.

Что же онъ могъ предпринять въ своемъ положеніи? Ему оставалось сдѣлать шумъ по своему дѣлу въ Германіи, чтобы воздѣйствовать, такъ сказать, дипломатическимъ путемъ на русское правительство или обратиться къ этому правительству непосредственно съ просьбою пересмотрѣть его дѣло и дать ему матеріальное и нравственное удовлетвореніе за причиненную несправедливость. Онъ рѣшился пустить въ ходъ и то, и другое средство—сначала обратился къ первому, а потомъ ко второму.

Агитація, поднятая имъ за границей, была очень велика. Прежде всего онъ самъ обратился къ суду общественнаго мнѣнія въ Германіи, напечатавъ въ газетѣ „Іенскія Всеобщія литературныя вѣдомости“ (№ 58 1817 года) слѣдующее письмо.

„Извѣщаю друзей моихъ, принимающихъ во мнѣ участіе, и всѣхъ ученыхъ Германіи, что меня постигла въ Россіи неожиданная ужасная и вовсе не заслуженная судьба. 5-го декабря прошлаго года получено было Харьковскимъ губернаторомъ приказаніе выслать меня изъ города и чрезъ Бѣлостокъ за границу. Это приказаніе исполнено было съ величайшею строгостью чрезъ 24 часа, въ теченіе которыхъ не имѣлъ я даже времени собрать нужныя путевыя деньги, долженъ былъ оставить любезную жену и дочь, которая подаетъ великую надежду, домъ, дворъ и все, что пріобрѣлъ неутомимыми трудами, и наконецъ на мой соб-

¹⁾ Чтеніе Моск. общ. 1873, кн. 2-я, стр. 44—45.

ственный счетъ многими извилинами и посреди самыхъ подлыхъ оскорбленій со стороны полицейскихъ командъ въ Польшѣ полумертвый былъ привезенъ на Прусскую землю, гдѣ немедленно нашедъ людей и человеколюбіе былъ какъ бы пробужденъ отъ смерти къ жизни. Знаю, что Императоръ, какъ извѣстный всей Европѣ, правосуднѣйшій и человеколюбивѣйшій государь не имѣетъ ни малѣйшаго участія въ этомъ искусно вымышленномъ безчеловѣчїи, знаю и то, что министры совершенно въ немъ невинны. Виновики несчастія моего и несчастія всего моего семейства суть только два человѣка, которыхъ въ свое время назову и изображу (*characterisiren*) всенародно, но нынѣ, полагаясь на мою невинность и на общее уваженіе, которымъ я пользовался не только въ городѣ Харьковѣ, но и во всей губерніи отъ всѣхъ состояній до послѣдней минуты моего отъѣзда, торжественно приглашаю и тѣхъ двухъ человѣкъ или всякаго другого въ Россіи упрекнуть меня въ какомъ бы то ни было преступленіи и обнародовать его въ Германіи. Тогда я (ибо въ Россіи не сообщено мнѣ никакого обвиненія, не укоряли меня ни въ какомъ преступленіи, не дали случая ни къ какой защитѣ) на публичное обвиненіе моихъ противниковъ буду и отвѣчать публично и если не дамъ удовлетворительнѣйшаго отвѣта на каждый изъ пунктовъ обвиненія, то добровольно опять явлюсь въ Россію и подвергнусь какому угодно наказанію. Между тѣмъ могу я сказать предварительно, что единственное мое преступленіе состояло въ томъ, что я защищалъ святѣйшее дѣло человечества, а именно дѣло религіи, добродѣтели, отечества и общаго благоденствія людей, изустно и письменно, съ большею ревностью, нежели то могли сносить французы и подобно имъ мыслящіе люди. Но этого преступленія не буду я никогда стыдиться, а напротивъ того намѣренъ впадать въ него до послѣдняго издыханія и если нужно, то и готовъ умереть за него. Кенигсбергъ, 13 февраля 1817 г. кол. сов. Шадъ“.

Посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ тайный совѣтникъ Алопеусъ извѣщалъ министра полиціи—ген. Вязьмитинова о невыгодномъ на счетъ Россіи впечатлѣніи, произведенномъ помѣщеніемъ въ нѣмецкихъ журналахъ статьи высланнаго за границу Шада. Онъ же Алопеусъ приложилъ и просьбу, поданную Шадомъ на Высочайшее имя. Министръ въ подлинникахъ представилъ эти бумаги кн. Голицыну. Вотъ письмо объ этомъ Алопеуса къ ген. Вязьмитинову.

Mon général! Je crois de mon devoir d'instruire Votre Excellence d'une affaire, qui produit une sensation défavorable à la Russie parmi les savants de l'Allemagne. Le conseiller de collège Schad, professeur à Carkow, ayant été mis à la frontière, publia dans les journaux littéraires,

qu'il avait été obligé d'abandonner femme, enfants et fortune et qu'on l'avait conduit accompagné de la police à la frontière sans articuler le crime, dont on le jugeoit coupable. Il attribua ce traitement aux intrigues des françois et de leurs adhérens en haine de l'animosité, qu'il avoit fait éclater contre eux lors de l'invasion de 1812. Quelque temps après il arriva ici et fut placé par la protection de son ancien collègue à Iena, le célèbre médecin Hufeland, comme professeur extraordinaire à l'université de Berlin. Il débita son histoire à tout venant et répandit ainsi l'opinion que les savans allemands en Russie étoient persécutés et sacrifiés aux françois. Pour étouffer ces propos, je le fis engager de passer chez moi et je lui dis, que si comme il en convenoit, il n'avait point à se plaindre de l'Empereur et de son Ministère, son tort étoit bien grave de commencer les confidences par le public. Il s'excusa par le désespoir et la misère, aux quels il étoit réduit et revint toujours à insister sur un dédommagement en argent. Lui ayant demandé un exposé par écrit de son aventure, il me le remit en forme de mémoires adressés à l'Empereur, que je joins ici. Les livres dont il est question se trouvent dans se paquet de ce jour.

Cet auteur plus fertile qu'estimé va sans doute le faire passer pour victime de sa haine contre les françois et c'est un moyen bien sûr de se mettre en faveur en Allemagne, mais comme il crie misère et comme il ne demande que de l'argent, il serait facile de lui fermer la bouche et il ne pensera plus au combat littéraire, au quel il défie. Les adversaires en leur proposant pour arène les journaux allemands. Alopeus“.

Агитація дѣйствительно началась, какъ объ этомъ свидѣтельствуеть приводимое ниже письмо генеральнаго консула въ Гамбургѣ Струве къ генералу Вязьмитинову.

M. le général! Je ne crois pas devoir laisser ignorer à votre Excellence que le rédacteur de la feuille dite: „Deutscher Beobachter“ imprimée ici, vient de recevoir de son correspondant à Berlin le cicjoint article concernant le professeur Schad renvoyé de l'université de Charkow. J'ai facilement obtenu de lui la suppression de cet article qui se trouve en opposition ouverte avec les principes de justice et d'humanité du Ministère Impérial; mais ne pouvant pas empêcher, qu'il ne soit peut être publié ailleurs, j'ai l'honneur d'en faire part à votre Excellence afin que, si elle juge à propos d'éclairer le public allemand sur le véritable motif du renvoi de ce professeur, je puisse rectifier les idées en cas de besoin. Hambourg 6 Mai 1817“.

Къ этому письму приложена и самая выписка изъ письма изъ Берлина отъ 23 апрѣля 1817 г. слѣдующаго содержанія.

„За нѣсколько недѣль передъ этимъ прибылъ сюда коллежскій со-
вѣтникъ Шадъ, находившійся съ 1804 г. профессоромъ философіи и
латинской словесности въ Харьковѣ. Происшествіе, случившееся съ
нимъ, возбуждаетъ не только здѣсь, но и во всей Германіи величай-
шее удивленіе. Въ исходѣ прошедшаго года приходитъ повелѣніе изъ
Петербурга въ Харьковъ, чтобы профессора Шада въ 24 часа выслать
изъ Харькова и чрезъ Бѣлостокъ выпроводить за границу. Онъ требуетъ
увѣдомленія о причинѣ такого съ нимъ поступка, какой могъ бы упо-
требленъ быть только съ преступникомъ; но ему не объявляютъ ни
обвиненія, ни обвинителя. Не взирая ни на что, заставляютъ пожилаго
и больного человѣка разстаться съ женою и 13 лѣтнею дочерью, по-
кинуть домъ и книги свои и на собственный свой счетъ съ большими
издержками ѣхать окольными дорогами и претерпѣвая множество
обидъ и оскорбленій за границу. Къ происшествію этому не можетъ
равнодушно отнестись и Россійское правительство. Какой нѣмецкій
ученый рѣшится впредь поступить на службу въ русскій универси-
тетъ, если въ воздаяніе за труды свои долженъ опасаться подобнаго же
поступка. Иванъ Шадъ, уроженецъ Вюрцбургскій, извѣстенъ въ Іенѣ,
какъ человѣкъ безпорочныхъ правилъ и притомъ основательно ученый
мужъ. Онъ преподавалъ тамъ публичные уроки и во всей Германіи
извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ. Въ особенности оказалъ онъ вели-
кія услуги Харьковскому университету. Тѣмъ больше приводитъ всѣхъ
въ удивленіе безчеловѣчный съ нимъ поступокъ. Нынѣ онъ обратился
съ просьбою къ Россійскому Императору и нельзя никакъ сомнѣваться,
чтобы этотъ истинно христіанскаго духа Государь не оказалъ вспомо-
женія своего притѣсненному. Ибо когда не отказано было апостолу
Павлу видѣть обвинителей своихъ предъ собою, хотя то было и во
время свирѣпаго языческаго кесаря Нерона, то кольми паче можетъ
честный Шадъ надѣяться, что челолюбивый Александръ, учреди-
тель христіанскаго союза, окажетъ ему всю справедливость. Г. Шадъ
догадывается, что бывший нѣкогда въ Парижѣ французскій книгопро-
давецъ, который недавно опредѣленъ въ Харьковскій университетъ, и
нѣкоторый польскій графъ въ Петербургѣ, оба французскіе идоло-
служители навлекли на него это несчастіе, ибо Шадъ всегда от-
крытымъ образомъ порицалъ французовъ за ихъ легкомысліе, нечестіе
и безчеловѣчіе. Всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія Императора
Александра“.

Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ далъ ге-
нералу Вязьмитинову слѣдующій отвѣтъ.

„На 2-е отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 9-го и
11 мая касательно бывшаго въ Харьковскомъ университетѣ профессора

Шада, высланнаго за границу и нынѣ въ нѣмецкихъ газетахъ публикующаго разные невыгодные отзывы на счетъ россійскаго правительства, честь имѣю увѣдомить васъ, милостивый государь, что я отнесся объ этомъ обстоятельстве по принадлежности къ графу Каподистрію, дабы онъ далъ приличное наставленіе обѣимъ нашимъ миссіямъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ, какъ имъ поступить для отраженія таковыхъ отзывовъ Шада или же чтобы привести его къ молчанію. На сей конецъ сообщилъ я графу надлежащее свѣдѣніе о дѣлѣ и поступкахъ Шада, по коимъ признано было за нужное не только удалить его изъ университета, но и выслать за границу“.

1817 г. мая 17 дня министру иностранныхъ дѣлъ графу Каподистрію онъ написалъ слѣдующее письмо.

„Милостивый государь, графъ Иванъ Антонович!

По увѣдомленію посланника нашего при Прусскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Гамбургѣ, бывшій въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ Шадъ, высланный по повелѣнію здѣшняго правительства за границу, старается чрезъ газеты и журналы въ Нѣмецкой землѣ распространить невыгодныя на счетъ здѣшняго правительства заключенія и поставить себя въ глазахъ тамошней публики и ученаго свѣта не заслужившимъ будто бы такой участи, гоненія и личной клеветы. Тайный совѣтникъ Алопеусъ прислалъ притомъ и отъ самого Шада просьбу къ Его Императорскому Величеству, въ коей онъ съ непостижимымъ безстыдствомъ, превращая истину, старается представить себя въ самомъ выгоднѣйшемъ видѣ со стороны нравственности, привязанности къ религіи и пользы, каковую принесъ свѣту ученому вообще и Харьковскому университету въ особенности и требуетъ себѣ такихъ вознагражденій отъ Государя Императора, какихъ безъ всякаго сомнѣнія онъ не только не заслуживаетъ, но которыя притомъ послужили бы нареканіемъ для Россійскаго правительства, еслибы человекъ, подобный Шаду, получилъ ихъ послѣ высылки за границу. Настоящія правила его къ сожалѣнію не довольно скоро могли сдѣлаться извѣстны въ Россіи, гдѣ впослѣдствіи только изданныя имъ для употребленія учащихся книги „De viris illustribus“ и „Institutiones juris naturae“, кои велѣно запретить и уничтожить, и другія обстоятельства его жизни, обратили на него вниманіе и подали поводъ къ открытію духа его и въ прочихъ сочиненіяхъ, въ Германіи имъ изданныхъ и на кои онъ ссылагается съ столь смѣлою и удивительною надеждою. Въ приложенномъ имъ при просьбѣ своей реестрѣ книгъ, имъ изданныхъ, есть описаніе его жизни и другая, которую онъ, какъ видно, не назвалъ настоящимъ ея титуломъ, подъ коимъ она въ Эрфуртѣ на-

печатана (Leben und.), эти двѣ книги довольно уже показываютъ степень его правственности и религіи въ такомъ видѣ, который долженъ ужаснуть всякаго благомыслящаго и поставляютъ даже въ необходимость ограждать по возможности и другихъ отъ дачи вѣры той благовидной личинѣ, какую онъ на себя столь отважно принимаетъ и становится посему тѣмъ опаснѣйшимъ для общества человѣкомъ. Въ отвѣтъ на напечатанную Шадомъ въ Галльской литературной газетѣ статью, послано уже туда приватнымъ образомъ объясненіе, для помѣщенія въ ней. Нынѣ по случаю помянутыхъ отношеній г. тайн. сов. Алопеуса и кол. сов. Струве, къ управляющему министерствомъ полиціи, который ихъ доставилъ мнѣ, считаю я за нужное препроводить къ вашему сіятельству какъ самыя эти отношенія съ приложеніями, такъ и списки со статьи, помѣщенной Шадомъ въ Галльской газетѣ, и объявленія отъ насъ, на нее посланныя. Я прошу покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, не оставить нужнымъ наставленіемъ означенныя миссіи наши въ Берлинѣ и Гамбургѣ, для отраженія дерзновенныхъ покушеній Шада опорочивать въ Германскихъ публичныхъ листахъ Россійское правительство и носить на себѣ личину, которая такъ ему не свойственна. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что и г. Алопеусъ въ отношеніи своемъ называетъ Шада *auteur plus fertile qu'estimé*; слѣдовательно, собственныя его увѣренія, будто бы онъ вообще весьма уважается въ Германіи, показываютъ уже довольно, какую степень вѣроятія заслуживаютъ таковыя его похвалы и рекомендаціи самому себѣ. Упомянутымъ миссіямъ можно предоставить на ихъ усмотрѣніе, найдутъ ли нужнымъ помѣстить въ газетахъ Берлинскихъ и Гамбургскихъ подобныя возраженія на Шадовы публикаціи или инымъ образомъ привести его къ молчанію. Прося ваше сіятельство увѣдомить меня о послѣдствіяхъ, какія по сему будутъ, имѣю честь быть князь А. Голицынъ. Спб. 17 мая, 1817 г. Р. S. Полученныя мною бумаги отъ Сергѣя Козьмича я препроводилъ къ вашему сіятельству съ тѣмъ, что ежели найдете нужнымъ, то доложите Государю Императору“.

Возраженіе, отправленное въ заграничныя газеты, было таково: „Г. докторъ Шадъ, посредствомъ весьма извѣстной литературной газеты (*die Hallische allgemeine Literatur-Zeitung* марта, 1817. № 58) подъ статью изъ Кенигсберга отъ 13-го февраля сего года, старался распространить повсюду разглашеніе, какъ будто бы Россійское правительство по одной только клеветѣ личныхъ его непріятелей, безъ всякой законной причины и безъ разсмотрѣнія, вдругъ удалило его изъ государства. При этомъ упоминаетъ онъ, что все его преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ всегда защищалъ святѣйшее дѣло челове-

ства, а именно дѣло религіи, добродѣтели и общаго благоденствія людей, словесно и письменно.

Послѣ такихъ показаній, которыя многихъ, незнающихъ обстоятельствъ дѣла, могутъ привести къ несправедливымъ заключеніямъ, не излишне будетъ объявить здѣсь чрезъ это по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, что дерзновенныя обвиненія со стороны И. Шада, какъ будто бы онъ сдѣлался жертвою личной вражды и какъ будто бы выслали его изъ Россіи безъ разсмотрѣнія причины, совершенно ложны. Напротивъ того, мы можемъ удостовѣрить, что дѣло И. Шада было строго и весьма осторожно разсматриваемо и изъ него оказалась необходимость удалить немедленно такого человѣка, который поставилъ себѣ цѣлью посредствомъ учебныхъ книгъ распространять въ Россіи правила, кои тамъ никакъ не могутъ быть терпимы и каковыя попечительное о благѣ жителей этого государства правительство старается всячески искоренять. Съ одной стороны мы желаемъ обнаружить неосновательность порицательныхъ показаній Шада, съ другой—можетъ быть заслужимъ и благодарность, когда доведемъ до всеобщаго свѣдѣнія, каковы суть тѣ правила религіи и нравственности, на кои онъ съ такою надеждою ссылагся. Посему нужно только каждому, желающему поближе его узнать, обратиться къ собственному его жизнеописанію (Исторія жизни и монастырскаго житія доктора Шада въ Эрфуртѣ. 1803 г.) и другимъ подобнымъ же его сочиненіямъ. Изъ этихъ книгъ весьма ясно усмотрѣть можно, каковы его понятія о религіи и морали. Двѣ книги, сочиненныя имъ для юношества недавно по порученію начальства въ Россіи, показали наконецъ несомнѣнно, что И. Шадъ всѣ правила, обнаруженныя въ прежнихъ сочиненіяхъ, питаетъ въ себѣ и понынѣ, и потому въ качествѣ наставника юношества никакъ терпимъ быть не можетъ, какъ вредный человѣкъ. Поэтому мы не сомнѣваемся, что послѣ этого никто, зная ближе обстоятельства жизни этого человѣка, не удивится болѣе постигшей его участи. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ прибавить, что вызовъ И. Шада отвѣчать публично на всѣ могущія быть обвиненія, гдѣ и когда бы то не потребовалось, къ его оправданію, есть только необдуманное хвастовство. Можно себѣ легко представить, что если бы Россійское правительство хотѣло съ нимъ поступить по всей строгости, какъ онъ того заслуживаетъ, то оно не выслало бы его за границу. Но намъ кажется, что Шадъ провозглашаетъ невинность свою единственно по одинаковой съ нами увѣренности въ томъ, что Россійское правительство всегда будетъ считать низкимъ для себя отвѣчать на всѣ его извительныя жалобы“.

Итакъ, Шада въ одномъ отношеніи достигъ своей цѣли: онъ привлекъ общественное мнѣніе во всей Германіи къ своему дѣлу и вызвалъ къ себѣ, какъ невинно потерпѣвшему, общія симпатіи. Любопытно, какъ постепенно онъ раскрывалъ подробности и причины своего изгнанія. Сначала просто говорится о двухъ виновникахъ его бѣдствій, потомъ уже называется по имени Дегуровъ, а о Потоцкомъ все таки нѣтъ упоминанія—говорится просто о нѣкоемъ польскомъ графѣ; личность Государя Александра I и его министровъ совершенно выгораживается, конечно, изъ политическихъ соображеній, чтобы добиться такимъ путемъ реабилитаціи, чтобы дать кн. А. Н. Голицыну мостикъ для пересмотра дѣла. Но все было тщетно—министры только озлобились на Шада за шумъ, поднятый имъ за границей, хотя, судя по одному намеку въ приведенномъ нами письмѣ кн. Голицына къ гр. Каподистріа, не прочь были купить его молчаніе извѣстною суммою денегъ.

IX.

Оправдательная и просительная записки Шада, изъ Іены, 1818 года.

Въ 1818 году 4 декабря Шада отправилъ изъ Іены въ Петербургъ оправдательную записку, въ которой защищалъ свои книги отъ обвиненій Дегурова. Вотъ текстъ его записки „Сочинитель приложенныхъ при этомъ обвинительныхъ пунктовъ, кои я недавно изъ Россіи получилъ,—родомъ французъ, прозывающійся Дюгуромъ, но съ нѣкотораго времени принявшій фамилію Дегурова и состоявшій профессоромъ при Харьковскомъ университетѣ. Этотъ человекъ возымѣлъ противъ меня смертельную ненависть за сильное отвращеніе, которое я обнаруживалъ въ разныхъ сочиненіяхъ моихъ, и въ особенности въ „Правѣ естественномъ“, противъ жестокости французской революціи и тиранской системы Наполеона. Въ 1816 году пріобрѣлъ онъ сильнаго покровителя въ лицѣ графа Северина-Потоцкаго, который по шестилѣтнемъ изъ университета отсутствіи, возвратился наконецъ изъ Польши и который по этой же причинѣ негодовалъ на меня за мои сочиненія. Онъ самъ побуждалъ профессора Дегурова къ тому, чтобы учинить доносъ на мою книгу о Естественномъ правѣ. Тотъ же, въ надеждѣ на покровительство графа, который въ то время занималъ важную должность попечителя Харьковского университета, представилъ эти обвинительные пункты бывшему въ то время министру графу Разумовскому, который поручилъ попечителю ихъ рассмотреть. Но какъ этотъ послѣдній находился уже съ

доносителемъ въ согласіи, то и осудилъ мою книгу, какъ зловредную для юношества и порицающую разныя установленія Россійскаго государства. Дѣло это продолжалось около года и было внесено наконецъ въ комитетъ министровъ въ Санктпетербургѣ, при донесеніи попечителя, что учиненный на меня доносъ изслѣдованъ самымъ строгимъ и безпристрастнымъ образомъ и найденъ весьма основательнымъ. Такимъ образомъ, состоялось повелѣніе къ Харьковскому гражданскому губернатору выслать меня немедленно изъ города и препроводить за границу, которое и было исполнено со всею строгостію 8 декабря 1816 года, такъ что не приняли даже въ уваженіе и смертельной болѣзни, которою я въ то время былъ одержимъ. Я долженъ былъ внезапно оставить мое семейство, два собственные мои дома въ Харьковѣ и все прочее имущество; какъ преступникъ выпровоженъ былъ изъ государства подъ воинскимъ прикрытіемъ и въ престарѣлыхъ лѣтахъ отправленъ въ Германію во время всеобщаго голода и въ теченіи двухъ лѣтъ преданъ всѣмъ бѣдствіямъ. Все это произведено надо мною такъ, что мнѣ не было предоставлено права собственной защиты, священнаго для всѣхъ народовъ. Но въ такомъ беззащитномъ положеніи всего ужаснѣе для меня то, что при этомъ несчастіи я лишился всего своего имущества, пріобрѣтеннаго бережливостію и неутомимымъ трудолюбіемъ, ибо при внезапномъ моемъ изгнаніи около 20.000 р. изъ него пропали для меня безвозвратно. Еще оставалось только 10.800 рублей, на которые векселя привезла съ собою несчастная жена моя, пріѣхавшая ко мнѣ въ Германію въ прошедшемъ году. Эти векселя были мною препровождены въ узаконенный срокъ чрезъ великогерцогскую Іенскую городскую управу въ Харьковскій университетъ при прошеніи доставить ко мнѣ деньги, но ни въ управу, ни ко мнѣ никакого отвѣта не послѣдовало. Это заставляетъ меня опасаться, что меня намѣренны лишить и этого малаго остатка моего имущества, дабы вмѣстѣ съ женою моею и сыномъ оставить на жертву голодной смерти. Кто только прочтетъ эти пункты и сличить съ моею книгою, приведенъ будетъ въ изумленіе ужаснымъ жребіемъ меня постигшимъ, и неслыханнымъ дерзновеніемъ доносителя, ибо книга эта заключаетъ въ себѣ совершенно противное тому, въ чемъ онъ меня обвиняетъ и за что я осужденъ. Главныя обвиненія состоятъ въ томъ, что изложенныя мною мнѣнія о власти Государя противорѣчатъ господствующимъ въ Россіи понятіямъ и что даже въ этой книгѣ есть мѣста, содержащія въ себѣ самыя нелѣпыя порицанія существующихъ въ Россійской Имперіи установленій; наконецъ, что я объ обязанностяхъ супружества говорю оскорбительнымъ для нравственности образомъ. Въ доказательство своихъ обвине-

ній доноситель приводитъ страницы 175, 385, 183, 302, 283. Чтобы представить во всей ясности неслыханную клевету его, прошу всякаго, разумѣющаго латинскій языкъ, прочесть эти мѣста въ самой книгѣ, здѣсь представляю ихъ въ переводѣ. На стр. 174 и 175 говорю я о власти Государя слѣдующее. „Такъ точно, какъ нѣтъ безусловной собственности надъ вещами, такъ нѣтъ ея и надъ дѣянiями. Ибо какъ скоро какое нибудь дѣянiе представляется внѣшнимъ образомъ, то принимаетъ видъ общественности и съ тѣхъ поръ перестаетъ быть исключительною собственностію того, кто его совершилъ. Можно представить себѣ дѣянiя такого рода, что они, не будучи противными справедливости, ни честности, при всемъ томъ могутъ быть обществу вредны, по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, которыхъ напередъ опредѣлить невозможно. На этомъ основаніи повелители народовъ имѣютъ полное право ограничивать право свободы въ отношеніи внѣшнихъ дѣянiй, и даже такъ, что дѣянiя по наружности самыя невинныя могутъ быть ими возбраняемы. Нельзя ихъ упрекнуть въ тиранствѣ и въ такомъ случаѣ, когда они не объявляютъ на то никакой причины, ибо благоразуміе требуетъ иногда, чтобы самыя полезныя и справедливыя намѣренiя скрываемы были безмолвіемъ, и если это наблюдается въ частной жизни, то кольми паче должно быть наблюдаемо въ дѣлахъ государственныхъ. Но такимъ образомъ, скажутъ нѣкоторые, водворяется тиранство: *такъ мнѣ угодно; такъ я повелѣваю; воля моя да будетъ вмѣсто всякаго основанiя*. Этого никакъ не должно опасаться, ибо если бы даже и то предположить, чтобы Государь могъ дѣйствительно что либо повелѣть по единому своему произволу и не принимая въ уваженіе общественной пользы, то таковое его повелѣніе собственною своею слабостію конечно уничтожится. Цицеронъ справедливо говоритъ о мнѣніяхъ: *мечтательныя сплетенiя мнѣній истребляетъ время, а судъ природы оно утверждаетъ*. Это самое можно сказать и о законахъ: законъ, постановленный Государемъ въ противность естественнаго порядка и духа народнаго, никакъ не можетъ долго удержаться. По этой причинѣ гражданскимъ законамъ надлежитъ повиноваться и тогда, когда ими предписываются даже и такія дѣянiя, въ которыхъ не усматривается никакой соприкосновенности съ общою пользою, или возбраняются такія, которыя кажутся неважными и невинными. Безусловная свобода въ дѣянiяхъ тогда только имѣетъ мѣсто, когда повелѣвается что либо явно противное безусловному праву или таковой же обязанности“.

Можетъ ли кто со всѣмъ возможнымъ утонченіемъ разума найти здѣсь что либо противное правамъ какого бы то нибыло государя,

если не представить себя вмѣсто государя величайшаго тирана, требующаго повиновенія даже и тогда, когда его повелѣнія явно противорѣчатъ совѣсти всякаго одареннаго разсудкомъ человѣка? Но безстыдство доносителя, ставящаго россійскихъ монарховъ въ число таковыхъ тирановъ, явствуетъ еще и изъ слѣдующаго приводимаго имъ на стр. 345 мѣста.

„Долгъ подданныхъ въ отношеніи къ государю заключаетъ въ себя слѣдующія части: а) совершенный долгъ повиновенія; этимъ не отымается у нихъ право не повиноваться тогда, когда предписывается что либо явно противное безусловному праву или безусловной обязанности. Посему весьма вредно заблужденіе Гоббеса, полагающаго, что всякое понятіе о правомъ и неправомъ зависитъ отъ гражданскихъ установленій; б) долгъ терпѣнія или долгъ не сопротивляться государю; в) отрицательный и положительный долгъ вѣрности. Первый состоитъ въ томъ, что бы подданные не стремились къ нововведеніямъ и не ниспровергали правительства; каковому долгу наиболѣе противоположно преступленіе оскорбленія Величества. Предметъ другаго состоитъ въ томъ, чтобы подданные соблюдали ненарушимую вѣрность къ государю, какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ, и ревностно споспѣшествовали какъ общей цѣли, такъ и частнымъ предметамъ правительства“.

Если доноситель находитъ здѣсь что нибудь противорѣчащее вообще принятымъ въ Россіи понятіямъ о правахъ государя, то это не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ положеніи, что подданные тогда только не обязаны повиноваться, когда имъ предписывается что либо, явно и совершенно противное долгу и что различіе между правымъ и неправымъ не изъ гражданского законоположенія проистекаетъ, какъ то утверждаетъ Гоббесъ, но зависитъ отъ предвѣчнаго разума. Если такое мнѣніе мое есть государственное преступленіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе доносителя безспорно значить слѣдующее: 1) что по общепринятому въ Россіи понятію о правѣ, повиноваться должно даже и тогда, когда государь повелѣваетъ что либо, явно противное совѣсти; 2) что россійскіе монархи имѣютъ такое право и слѣдовательно ужаснѣйшіе тираны и 3) что между правымъ и неправымъ нѣтъ инаго различія, какъ то, какое опредѣляется гражданскимъ законодательствомъ. Кто не усмотритъ въ этомъ мнѣніи самаго дерзкаго порицанія россійской жизни, россійскаго монарха, законоположенія сего государства, религіи, добродѣтели и всякаго права? И чрезъ столь дерзкаго доносителя и клеветника повергается въ бездну злоключеній съ цѣлымъ семействомъ своимъ человѣкъ совершенно невинный, одушевленный ревностію къ Россіи, къ религіи и къ добро-

дѣтели, осужденный по одному только доносу. Сколь постыднымъ образомъ употребляется при этомъ во зло священное имя правосуднѣйшаго и милосердаго Императора и въ сколь ненавистномъ видѣ представляется россійское правительство и самая нація россійская предъ всѣми иностранцами? Какой ударъ нанесенъ этимъ злодѣянiемъ всѣмъ учебнымъ заведенiямъ въ Россiи? Кто изъ числа ученыхъ иностранцевъ осмѣлится впредь принять приглашенiе на прiѣздъ въ Россiю, увѣдавъ объ участи, постигшей меня за книгу, въ которой съ чистѣйшею ревностiю защищаются истины священнѣйшiя, необходимѣйшiя какъ для правительства, такъ и для частныхъ людей, и предписываемыя какъ разумомъ, такъ и самою христіанскою религіею; за книгу, пропущенную цензурою университета и принятую всѣми учеными и благонамѣренными людьми съ отличнымъ одобренiемъ? Кто на предбудущее время будетъ почитать себя безопаснымъ въ Россійской Имперiи, если по одному доносу злобнаго и лукаваго клеветника, дѣлають несчастнымъ человѣкомъ невиннаго и заслуженнаго, со всѣмъ его семействомъ, безъ принятiя отъ него оправданiя, въ глубокой старости лишаютъ его мѣста, изгоняють изъ Россійской Имперiи и даже лишаютъ имущества? Таковы послѣдствiя этой безстыдной клеветы и участь, которой она меня подвергла.

Но злое намѣренiе доносителя открывается еще болѣе изъ слѣдующихъ обвиненiй. Дабы доказать, что книга моя содержитъ въ себѣ самыя нелѣпыя порицанiя существующихъ въ Россійской имперiи установленiй, онъ приводитъ стр. 182 и 302. На стр. 182 и 183 сказано. „Есть истины, которыя преподавать и утверждать новыми доказательствами, дабы тѣмъ тверже укоренить ихъ въ душахъ людей, не можетъ быть возбраняемо никѣмъ и ни въ какое время, такого рода истины суть тѣ, которыя принадлежать къ высшей цѣли человѣческаго бытія и вся христіанская религія есть ничто иное, какъ совокупность таковыхъ истинъ. По этой причинѣ она была проповѣдуема съ полнымъ правомъ въ цѣломъ мірѣ, въ пренебреженiе воспрещенiя тирановъ и предстоявшей смертной казни. Къ числу этихъ истинъ принадлежать и тѣ, что добродѣтель имѣетъ самобытное достоинство, и что въ почитанiи ея состоитъ высшее достоинство человѣка. Возбраняющій таковыя истины явно обнаруживаетъ тиранскій образъ мыслей. По сему ни что мнѣ не показалось достойнѣе замѣчанiя, какъ написанное Рейхардомъ въ письмахъ его о Парижѣ относительно Наполеона, бывшаго еще первымъ консуломъ, то есть, что онъ не дозволилъ издать въ свѣтъ нѣкоторыхъ разсужденiй, сочиненныхъ Дегерандомъ о самобыт-

номъ достоинствѣ добродѣтели. Одинъ этотъ поступокъ ясно показалъ мнѣ душу этого государя; ибо кѣмъ обладаетъ безпредѣльное властолюбіе, тотъ поступилъ бы неблагоразумно, если бы допустилъ приписать добродѣтели безпредѣльную силу и достоинство. Безусловное владычество принадлежитъ одной только добродѣтели, которая, если когда либо распространится въ цѣломъ народѣ, рано или поздно низвергнетъ всякую тиранскую власть, хотя бы она и была основана на всѣхъ прелестяхъ или на всѣхъ ужасахъ физической природы. Тираны не терпятъ въ гражданахъ истинной добродѣтели; добродѣтель, которую они требуютъ,—это рабство, готовое на все изъ надежды или страха, слѣпое повиновеніе всѣмъ ихъ желаніямъ, готовность исполнять самыя постыдныя ихъ приказанія, величайшее развращеніе нравовъ и совершенное уничтоженіе достоинства человѣка“.

Каждый читающій это мѣсто, видитъ, что я говорю здѣсь о всеобщемъ тиранѣ и въ отношеніи къ нему утверждаю о безусловномъ достоинствѣ добродѣтели; если это мѣсто заключаетъ въ себѣ постыдное порицаніе существующихъ въ Россіи постановленій, то изъ этого слѣдуетъ, что въ Россіи законы не признаютъ достоинства добродѣтели, что она даже принадлежитъ къ государственнымъ преступленіямъ и что потому первые наставники въ христіанской религіи и самъ Іисусъ Христосъ были преступниками и законно наказаны смертію. И такъ, обвинитель, утверждающій это, не произноситъ ли тѣмъ самымъ величайшую хулу на государственныя постановленія Россійской Имперіи? Возможно ли смѣшивать власть Россійскаго Государя съ военнымъ деспотизмомъ Наполеона и образъ правленія въ Россіи съ тиранскою системою этого разрушителя вселенной?

Второе мѣсто, приводимое обвинителемъ въ доказательство того, что я порицалъ Россійскія постановленія, взято съ 302 стр. Доказавъ на стр. 201—294, частію умозаключеніями, частію мѣстами изъ Новаго Завѣта, что любострастіе и полигамія противны естественному праву, я наконецъ на стр. 302 заключаю слѣдующимъ образомъ. „Хотя сохраненіе и умноженіе рода человѣческаго не есть первая и единственная цѣль супружеской связи, однакожъ право естественное требуетъ не дѣлать ничего, что могло бы останавливать и препятствовать этой цѣли, ибо производящія силы того, который предается таковымъ распутствамъ, естественнымъ образомъ мало по малу ослабѣваютъ и истощаются. Ничто напротивъ того не способствуетъ болѣе плодородію супружеской связи, какъ умѣренность и воздержность обоихъ половъ и взаимная, вѣрная, непорочная, исключительная любовь супруговъ. Также совершенно противно справедливости употреблять человѣка,

какъ простое орудіе; а это и происходитъ при полигаміи, которая по сему и должна быть запрещаемая гражданскими постановленіями. Тотъ, который вступаетъ и сохраняетъ связь со многими жепщинами, тотъ употребляетъ этотъ полъ, какъ простое средство для удовлетворенія необузданныхъ своихъ похотей и слѣдовательно поступаетъ съ нимъ самымъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ. Это тиранство, это нарушение самыхъ священнѣйшихъ правъ, которыми пользуются какъ мужчины, такъ и женщины, это постыдное обхожденіе и обезчещеніе другого пола и наконецъ происходящее отсюда всеобщее развращеніе нравовъ—можетъ ли все это быть терпимо въ государствѣ, въ которомъ находится малѣйшее чувство челоѣколюбія и справедливости?

Можетъ ли кто находить въ этомъ мѣстѣ что либо оскорбительное для государственныхъ постановленій Россіи, не предполагая, что любострастіе, распутство и полигамія въ Россіи законами предписаны и покровительствованы и можетъ ли это утверждать, не произнося безстыднѣйшей клеветы надъ государственными постановленіями Россіи? Такое порицаніе явнымъ образомъ сдѣлано моимъ обвинителемъ. Я на-противъ того ничего не утверждалъ, что бы не было основано на разумѣи постановлено Священнымъ писаніемъ и россійскими законами, которые требуютъ справедливости, добродѣтели, чистоты нравовъ, никогда не одобряютъ и не предписываютъ распутства, расторгающаго самыя священнѣйшія узы супружества. Столь же ложно обвиненіе его, будто я объ этой связи выражаюсь неприличнымъ и безстыднымъ образомъ. Мѣсто, въ которомъ я объ этомъ говорю, слишкомъ длинно, дабы его здѣсь выписать, оно простирается отъ стр. 283 до 320. Но я съ увѣренностью могу сослаться на каждаго читателя; кто прочтетъ это разсужденіе о супружествѣ, тотъ найдетъ, что я изъясняюсь объ этомъ столь важномъ предметѣ по чистѣйшимъ понятіямъ, внушаемымъ намъ разумомъ и Священнымъ писаніемъ. Съ совершеннымъ спокойствіемъ могу я разсужденія эти предать на судъ всего ученаго свѣта.

Если наконецъ обвинитель мой утверждаетъ, что я въ главныхъ пунктахъ слѣдую философіи Шеллинга, что это его сужденіе—весьма дерзко, потому что, не зная ни мало нѣмецкаго языка, онъ о томъ совершенно судить не можетъ. Шеллингъ никогда не писалъ естественнаго права или чего нибудь подобнаго; слѣдовательно, онъ въ этомъ отношеніи никакъ не могъ быть моимъ руководителемъ. Моя система состоитъ въ совершенно другой и болѣе высокой сферѣ, чѣмъ система Шеллинга. Предметъ философскаго изслѣдованія Шеллинга—физика. Цѣль же моей философіи состоитъ въ томъ, дабы положить твердое и непоколебимое основаніе важнѣйшимъ и священнѣйшимъ истинамъ,

безъ коихъ человѣкъ ни добрымъ, ни счастливымъ сдѣлаться не можетъ и къ которымъ относятся: существованіе Бога, свобода человѣческой воли, совершенное достоинство добродѣтели и безсмертіе души. Моя система клонится къ тому, дабы внушить человѣку твердую и непоколеблемую сомнѣніями любовь къ добродѣтели, къ религіи, къ христіанству и къ предвѣчному праву. Каждый, читающій мои сочиненія, легко въ этомъ можетъ удостовѣриться. Я никогда не желалъ споспѣшествовать сочиненіями своими нынѣ царствующей въ Германіи философіи, распространяющей сомнѣнія о важнѣйшихъ и спасительныхъ истинахъ. Я явнымъ образомъ встаю противъ нее и цѣль моя клонится къ тому, дабы разрушить до основанія эту, по моему мнѣнію, столь вредную философію, истребить сомнѣнія въ разсужденіи истинъ, составляющихъ достоинство и счастье человѣка, и доставить христіанской религіи уваженіе, любовь и Божественную силу, которой старается ея лишить эта высокоумная философія, на невѣжествѣ и любви къ порокамъ основанная. Вотъ священная цѣль, къ которой я стремился въ моей философіи, вотъ правое дѣло, которое я защищалъ изданными въ Россіи сочиненіями своими, за него стоять буду до послѣдняго изданія и если нужно, пожертвую самою жизнію. Французскій бродяга, бывшій въ Парижѣ книгопродавцемъ во время революціи и отличившійся стараніемъ развращать народъ, обвинилъ меня въ преступленіи и ввергъ въ несчастіе потому только, что я мыслилъ и поступалъ по священнымъ правиламъ, обнаруживающимся во всѣхъ сочиненіяхъ моихъ и въ особенности въ изданномъ мною правѣ народномъ. Но я предъ цѣлымъ свѣтомъ горжусь таковымъ преступленіемъ; и покуда человѣколюбіе, добродѣтель, христіанство и религія существовать будутъ между людьми, дотолѣ сочиненія мои будутъ уважаться и благословляться. Дабы обнаружить невинность свою, мнѣ только нужно издать сочиненія свои въ Германіи и представить на судъ ученому свѣту, который не обращаетъ вниманія на хитрость и коварства француза и который лишитъ клевету ядовитаго ея жала.

Обвинитель мой явно показываетъ себя ревностнымъ приверженцемъ всеобщаго тирана и той презрѣнной части французской націи, которая ознаменовала себя злодѣяніями всякаго рода, ибо онъ не страшитъ порицать тѣхъ мѣстъ моего народнаго права, въ которыхъ я обнаруживаю живѣйшее отвращеніе къ тиранской системѣ Наполеона и къ ужасамъ французской революціи, какъ наприм. на стр. 36, 170, 218, 232, 225—232.

Человѣкъ, который еще во Франціи во время революціи старался развращать юношество, конечно не могъ не возненавидѣть и не горѣть

желаніемъ отомстить мнѣ за священные и патріотическія чувства, которыя я обнаруживалъ въ моемъ народномъ правѣ и которыми старался одушевлять руссiйское юношество. Въ доказательство же того, что этотъ человѣкъ во Франціи дѣйствительно способствовалъ развращенію народа, могу я привести здѣсь французскую книгу подъ заглавіемъ: „Les siècles littéraires“, во второй части которой въ статьѣ Degour приписывается ему между другими подозрительными сочиненіями и книга: „Nouvelle rhétorique françoise à l'usage des jeunes demoiselles, avec des exemples tirés des sermons prononcés, à l'assemblée nationale et des ouvrages de Voltaire, Rousseau, Raynal, Montesquieu“. Всѣмъ извѣстно, что не за долго до смерти короля, послѣдовавшей въ 1791 году, (а тогда и книга эта была издана), читаемы были въ національномъ собраніи рѣчи противъ лучшаго изъ государей, противъ дворянства, духовенства, религіи и всѣхъ гражданскихъ узаконеній. Правилами, почерпнутыми изъ таковыхъ рѣчей, этотъ развратитель народа старался искоренить въ нѣжныхъ сердцахъ дѣвицъ всѣ чувства добродѣтели и внушить имъ жестокосердіе.

Этотъ самый Дегуровъ, находясь подъ покровительствомъ графа Северина Потоцкаго, оклеветалъ меня самымъ коварнымъ образомъ предъ руссiйскими министрами и ввергъ въ несчастіе меня и семейство мое. Я столь твердо увѣренъ въ своей невинности, что не страшился предложить Его Королевскому Высочеству великому герцогу Веймарскому выдать меня Россіи и послѣ предать самымъ тяжкимъ наказаніямъ, если я обличенъ буду въ преступленіи; и я только прошу позволить мнѣ на каждое обвиненіе представить свое оправданіе—право, которое даруется и преступнику, заслуживающему смерть. Еще разъ повторяю, что если сочиненія мои предложены будутъ въ Германіи на разсмотрѣніе собранія ученыхъ, благоразумныхъ и безпристрастныхъ людей, я совершенно увѣренъ, что это разсмотрѣніе окончится къ моей чести и для меня тѣмъ будетъ славнѣе, чѣмъ строже сдѣлано будетъ. И такъ, если я совершенно невиненъ, что впрочемъ уже явствуетъ изъ всего мною вышеизясненнаго, то я смѣю надѣяться, что Его Императорское Величество, по справедливости и благиости своей, благоволитъ приказать 1) дабы выданъ мнѣ былъ небольшой остатокъ моего имѣнія, оставшагося въ Харьковѣ и состоящаго изъ 10.800 руб. ассигнаціями; и 2) дабы я по уставамъ университета за 13-лѣтнее ревностное и непорочное служеніе награжденъ былъ пожизненною пенсіею. Я старался всѣми силами и трудился день и ночь, чтобы принести пользу и славу Харьковскому университету. Я преподавалъ съ такимъ успѣхомъ, что не только прилежнѣйшіе студенты, но и ученѣйшіе люди

города, учителя гимназій и архіерейскаго коллегіума и даже самыя духовныя особы російской церкви меня просили въ частныхъ урокахъ преподавать имъ мою философію, ибо они видѣли, что цѣль ея было распространеніе любви къ отечеству, добродѣтели, религіи и христіанству. И такъ, будучи занятъ цѣлый день преподаваніемъ, я ночью отказывалъ себѣ въ нужномъ отдыхѣ, дабы сочинять книги, которыми старался быть полезнымъ и по смерти своей. Университетъ столь былъ увѣренъ въ общепользныя моихъ знаній и патріотическихъ намѣреній, что поручалъ мнѣ составленіе учебныхъ книгъ, назначаемыхъ для гимназій. Съ 1814 года издалъ я нѣмецкую христоматію, которая по одобренію университета и министра графа Разумовскаго, введена была во всѣхъ гимназіяхъ университетскаго округа. Логика моя вышла почти въ это-же время и по приказанію министра каждая гимназія должна была купить по 1 экземпляру ея, дабы могла она служить руководствомъ учителямъ. Съ 1814 года поручено мнѣ было университетомъ изданіе главныхъ латинскихъ классиковъ, каковую работу я обязался предпринять, не требуя для себя никакого вознагражденія, съ тѣмъ чтобы эти книги могли быть проданы за самую малую цѣну гимназіямъ и университетамъ, для которыхъ они и назначены были. Я положилъ начало этому пространному сочиненію книгою подъ заглавіемъ: „De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum“, для которой въ намѣреніи воспламенить въ душѣ російскаго юношества благородныя патріотическія чувства я выбралъ изъ классиковъ превосходнѣйшіе примѣры добродѣтелей древнихъ римлянъ. Эта книга однако неизбѣжала порицанія и обвиненія Дегурова, хотя она составлена единственно изъ лучшихъ мѣстъ римскихъ классиковъ. Но не сочиненіе однихъ только книгъ поручено мнѣ было университетомъ: кромѣ философіи, которую я обязанъ былъ по должности преподавать, онъ назначалъ мнѣ еще преподаваніе другихъ предметовъ. Съ 1810 года совѣтъ просилъ меня кромѣ философіи преподавать еще нѣмецкій языкъ и литературу; въ 1814 г., мнѣ поручено было преподаваніе латинской литературы и краснорѣчія. Кромѣ этихъ занятій исполнялъ я въ теченіи 7 лѣтъ должность секретаря при университетскомъ совѣтѣ и часто бывалъ деканомъ философскаго отдѣленія и членомъ правленія. Изъ всего этого явствуетъ, что первымъ моимъ желаніемъ было сдѣлаться полезнымъ Харьковскому университету, и потому съ тѣмъ большею увѣренностію ожидаю я теперь Всемилостивѣйшаго разрѣшенія на нижайшее мое прошеніе, въ которомъ осмѣливаюсь просить Его Императорское Величество о выдачѣ мнѣ остатка моего имѣнія, находящагося въ Харьковѣ и пожиз-

ненной пенсіи. Я не требую удовлетворенія за ложныя обвиненія, сдѣланныя на меня бывшимъ профессоромъ Харьковскаго университета Дегуровымъ. Не мысля о мщеніи, я напротивъ того каждый день прошу Бога не отказать ему въ своемъ милосердіи внушить ему лучшія чувства и даровать ему вѣчное счастье; я доволенъ буду, если невинность моя будетъ дознана и несчастное мое семейство спасено.

Иванъ Шадъ, коллежскій совѣтникъ и бывший профессоръ философіи въ Харьковскомъ университетѣ.

Гена.

4-го декабря,

1818 года.

Какъ видимъ, записка эта написана съ воодушевленіемъ, силою, сознаніемъ правоты и безпощадною рѣзкостью по отношенію къ французу Дегурову. Приведенныя имъ выдержки изъ „Естественнаго права“ весьма характерны: они свидѣлствуютъ о сильномъ умѣ и ясномъ мышленіи Шада; одно положеніе логически вытекаетъ изъ другого. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что онъ не преслѣдовалъ безнравственныхъ цѣлей въ своей книгѣ. Но нельзя не отмѣтить также того обстоятельства, что и все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ, и отмѣченныя въ немъ министерствомъ мѣста проникнуты идеей разумной свободы, которая должна управлять людскими отношеніями въ государствахъ. Въ началѣ царствованія Императора Александра въ расцвѣтъ либерализма, трудъ Шада могъ встрѣтить очень хорошій приѣмъ даже со стороны правящихъ сферъ. Но теперь времена измѣнились—и новое министерство, поднявшее вскорѣ настоящее гоненіе на философію и въ частности на руководства по естественному праву, никакъ не могло примириться съ общимъ характеромъ и направленіемъ Шада и совершенно не вѣрило, чтобы онъ отстаивалъ священныя начала христіанской религіи, нравственности, добродѣтели и существующаго порядка. Что касается истинныхъ виновниковъ административной высылки, то на этотъ счетъ у Шада были невѣрныя представленія: онъ обвинялъ во всемъ, какъ мы видимъ, Дегурова и гр. С. О. Потоцкаго; послѣдняго онъ выставилъ въ сущности главнымъ виновникомъ своихъ бѣдствій: гр. С. О. Потоцкій, по его словамъ, побуждалъ Дегурова къ доносу; на основаніи произведеннаго имъ изслѣдованія дѣла комитетъ министровъ произнесъ свой приговоръ. И то, и другое, какъ мы знаемъ, было невѣрно. Быть можетъ, Шадъ заблуждался здѣсь *bona fide*, а можетъ быть, старался свалить вину своего осужденія, изъ тонкихъ политическихъ видовъ, на лицо, которое было удалено новымъ министромъ отъ должности попечителя, потому что совершенно не подходило къ его міровоззрѣнію.

10 декабря 1818 года Шадъ отправилъ кн. А. Н. Голицыну другую бумагу, въ которой сообщалъ данныя объ оставшемся въ Харьковѣ своемъ имуществѣ и просилъ содѣйствія къ полученію его.

„Остающееся въ Харьковѣ мое имущество писалъ онъ, состоитъ изъ слѣдующихъ суммъ:

1) 5000 руб. ассигнаціями по заемному письму на господинѣ Комлишинскомъ, адъюнктѣ Харьковскаго университета.

2) 3000 руб. на П. Ковалевскомъ, помѣщикѣ села Ивановки, въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 2800 руб. на статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ, помѣщикѣ села Кручика, той же губерніи.

Заемныя письма на эти суммы препровождены отъ меня, по наступленіи срока уплаты, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года чрезъ великогерцогскую Іенскую городскую управу въ Харьковскій университетъ, съ просьбою, чтобы они отъ правленія университета переданы были моему повѣренному адъюнкту Дудровичу для взысканія слѣдующихъ по нимъ денегъ и пересылки ко мнѣ въ Германію. Но по настоящее время отъ университета не послѣдовало на это никакого отвѣта ни въ управу, ни ко мнѣ. Сверхъ того писалъ я къ его превосходительству господину попечителю университета, къ статскому совѣтнику Каразину и къ адъюнкту Дудровичу, но и изъ нихъ ни отъ одного не получилъ отвѣта, изъ чего заключаю, что письма ихъ ко мнѣ могли быть затеряны при отправленіи въ Харьковѣ на почту. По сему прошу, чтобы отъ его сіятельства, господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предписано было университету чрезъ моего повѣреннаго адъюнкта Дудровича, истребовать уплаты означенныхъ суммъ, а полученные деньги препроводить чрезъ посредство банкира ко мнѣ или въ великогерцогскую Іенскую городскую управу.

Сверхъ вышеозначенныхъ суммъ имѣю я еще 2000 руб. на нѣкоемъ баронѣ Спинели, который четыре года тому назадъ въ Харьковѣ имѣлъ жительство. Этотъ человѣкъ занялъ у меня деньги подъ заемное письмо въ 1814 г., съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить ихъ въ теченіи года; но въ томъ же самомъ году оставилъ Харьковъ и опредѣлился къ должности въ имѣніи генерала Платова не подалеку отъ города Черкаска и цѣлые два года не платилъ ни процентовъ, ни капитала. Я протестовалъ это заемное письмо въ Харьковѣ и передалъ его правленію университета, при письменномъ объявленіи, что я жертвую въ пользу Черкасской гимназіи проценты съ этого капитала съ тѣмъ, чтобы университетъ потребовалъ уплату этого послѣдняго. Университетъ это принялъ на себя, но въ теченіи четырехъ лѣтъ ни-

чего не сдѣлалъ, такъ что ни Черкаская гимназія пожертвованныхъ мною процентовъ, ни я капитала не получили. По сему вторично объявляю, что я жертвую въ пользу упомянутой гимназіи проценты съ этого капитала за четыре года съ тѣмъ, чтобы отъ его сіятельства, князя и министра, подтверждено было Харьковскому университету о взысканіи этихъ денегъ на основаніи законовъ для препровожденія ко мнѣ въ Германію.

Наконецъ, горчайшая изъ всѣхъ потерь, мною понесенныхъ, есть гибель моей дочери. Непремѣнная отеческая воля моя относительно ея состояла въ томъ, чтобы она въ минувшемъ году вмѣстѣ съ женою моею отправилась въ Германію, но нѣкоторые недоброжелатели изъ университетскихъ чиновниковъ востановили дочь мою, въ то время имѣвшую отъ роду 13 лѣтъ, противъ моей жены, ея мачихи, и склонили убѣжать отъ нея и поселиться у нѣкоей госпожи Рейнишъ, вдовы бывшаго въ университетѣ адъюнкта Рейниша. Ей составили для подачи въ Харьковскія судебныя мѣста бумаги, писанныя противъ самого меня, отца ея, которыми она хотѣла присвоить себѣ оставленное мною въ Харьковѣ имущество подъ тѣмъ предлогомъ, что оно не принадлежитъ уже болѣе мнѣ, какъ изгнаннику изъ Россійской Имперіи; когда ей отъ упомянутыхъ мѣстъ въ этомъ несправедливомъ требованіи послѣдовалъ отказъ, а я, между тѣмъ, письменно приказывалъ ей ѣхать съ мачихою въ Германію, то она объявила, что желаетъ остаться въ Харьковѣ у госпожи Рейнишъ, и потому въ Германію ѣхать не хочетъ. Но такъ какъ мнѣ извѣстно, что въ домѣ сей госпожи дочь моя подвергается величайшей опасности развращенія и безнравственности, вращаясь въ неприличномъ обществѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, которыхъ госпожа Рейнишъ обучаетъ рукодѣлію, то именемъ Бога прошу, дабы при удобномъ случаѣ дочь моя была ко мнѣ отправлена въ Германію, гдѣ я отдамъ ее въ услуженіе въ частный домъ, въ которомъ величайшее сокровище дѣвицы, сокровище благонравія будетъ находиться въ безопасности.

18 декабря 1818 г.

Эта бумага представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе о размѣрахъ денежныхъ капиталовъ Шада.

X.

Роль Веймарскаго правительства въ дѣлѣ Шада.

Трудно было высланному изъ предѣловъ Россіи Шаду устроиться за границей: здѣсь предложеніе профессорскаго труда превышало спросъ на него. Ему удалось только получить мѣсто приватъ-доцента въ Бер-

линскомъ университетѣ, но и то послѣ того только, какъ русскій посланникъ въ отвѣтъ на запросъ прусскаго правительства, официально заявилъ, что Шадъ удаленъ изъ Россіи не за какое нибудь преступленіе, а только потому, что его философія не получила одобренія въ Россіи. По случаю прибытія Александра I въ Веймаръ, Шадъ въ 1819 г. поднесъ ему ту самую книгу, за которую его удалили изъ Россіи, и удостоился подарка въ 300 червонцевъ. Тогда же Великій герцогъ Веймарскій опредѣлилъ его профессоромъ въ Іенскій университетъ, хотя впрочемъ опять таки безъ жалованья. Веймарское правительство и раньше принимало въ Шадѣ живѣйшее участіе: онъ до перехода своего въ Харьковъ былъ профессоромъ въ Іенѣ; мѣсто въ Харьковѣ онъ получилъ по рекомендаціи Гёте и Шиллера, проживавшихъ въ Веймарѣ. Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что Шадъ и теперь обратился съ просьбою о заступничествѣ къ Веймарскому правительству. Благодаря великому герцогу Веймарскому онъ, очевидно, получилъ возможность представить Императору Александру I и свою инкриминируемую книгу. Къ Веймарскому посланнику въ Петербургъ онъ отправилъ оправдательную записку такого содержанія. „Надѣясь на извѣстное ваше благочестіе, справедливость и человѣколюбіе, пишетъ Шадъ, осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ вамъ съ этимъ письмомъ и просить вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я, четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи профессора философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ попечителемъ Харьковскаго университета, графомъ Северинымъ Потоцкимъ и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишень моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежные капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надобно было оставить и любезнѣйшую жену и дочь, имѣвшую тогда около 13 лѣтъ. Я не только не сдѣлалъ никакого преступленія, но еще имѣлъ много заслугъ въ Харьковскомъ университетѣ, о чемъ всѣ могутъ засвидѣтельствовать, кто хорошо зналъ меня въ Харьковѣ. День и ночь я трудился о славѣ и приращеніи университета и о пользѣ обучающагося въ немъ юношества, не только искренно сообщая ему истинное просвѣщеніе, но и возбуждая въ немъ любовь къ добродѣтели, религіи и отечеству. Единственное мое преступленіе въ глазахъ графа Потоцкаго было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія и даже по порученію университета, для употребленія въ гимназіи и въ университетѣ описывалъ черными кра-

сками великаго Наполеона и великую французскую націю, и старался воодушевить обучавшихся юношей любовью къ отечеству, добродѣтели и религіи. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу, надѣясь встрѣтить тамъ мессію Поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 г. Послѣ вторичнаго ниспроверженія тирана и послѣ взятія его въ плѣнъ, графъ Потоцкій, лишившись всякой надежды, удрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Нѣкоторые профессора французскаго происхожденія и единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему тѣ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ я тирана Европы и страшныя сцены французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого графъ рѣшился погубить меня. Трудно было это сдѣлать, потому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славою; а потому, чтобы легче достигнуть своего намѣренія, онъ пригласилъ себѣ въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда профессора исторіи въ Харьковѣ. Во время французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и бѣшеннымъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я, въ изданныхъ мною книгахъ, вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя, во время революціи и послѣ, французская нація. Этому человѣку поручилъ графъ Потоцкій обвинить мои книги, а особенно: „Jus naturae“ и „De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum“. Мое сочиненіе „Jus naturae“ написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ отечеству, вопреки бѣшенству французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ, съ безчисленными полчищами, былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ торжествовавшими русскими даже до Парижа. А потому эта книга написана не сухимъ какимъ-нибудь и школьнымъ слогомъ, а ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковского университета, для употребленія въ гимназіяхъ, я старался, посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, возжечь въ сердцахъ, изучавшихъ латинскій языкъ, искру небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти обѣ книги могутъ послужить поводомъ къ обвиненію

развѣ только для безстыднѣйшихъ клеветниковъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый могущественнымъ своимъ покровителемъ, попечителемъ, и воспламенный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинилъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрастно читавшій ихъ, не можетъ не прійти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня цѣлый годъ весьма строго и добросовѣстно разбиралъ, и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ; что онъ находитъ меня человѣкомъ опаснымъ, а мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности профессора, но и выслать меня изъ Россійской Имперіи.

Кто не повѣрилъ бы свидѣтельству такого важнаго мужа, какъ попечитель университета? Посредствомъ такого коварства министр, который меня вовсе не зналъ, былъ вовлеченъ въ необходимую и неизбѣжную ошибку, а я, со всѣмъ моимъ семействомъ, которое и теперь скитается по Россіи, повергнутъ въ величайшую бѣдность. Даже остатки моего имѣнія, спасенные какъ бы послѣ кораблекрушенія, доселѣ ни мнѣ, ни моему семейству, не отданы. Умоляю ваше превосходительство и заклинаю васъ именемъ Иисуса Христа, который не только пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобы, избавивши насъ отъ рабства грѣха и вѣчной смерти, даровать намъ вѣчную и блаженную жизнь, но и снова придетъ нѣкогда судить родъ человѣческій и наказать особенно притѣснителей невинныхъ, прошу васъ еще и еще, употребить ваше стараніе, сколько возможно, чтобы такая тяжкая обида, причиненная мнѣ и моему семейству, посредствомъ самой коварной клеветы, была сколько-нибудь вознаграждена. Ожидая этого отъ вашей любви къ добродѣтели и религіи, съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь.

Письмо это относится къ 1820 году, такъ какъ самъ Шадъ говорить въ немъ, что онъ былъ высланъ изъ Россіи четыре года тому назадъ (а онъ былъ высланъ въ 1816 году). По поводу этого письма намъ приходится опять повторить, что Шадъ несправедливо обвиняетъ здѣсь гр. Потоцкаго. Заблуждаясь на счетъ той роли, какую игралъ въ его дѣлѣ гр. Потоцкій, онъ заподозрѣваетъ его чуть ли не въ измѣнническомъ сочувствіи къ врагу Россіи Наполеону. Если даже Потоцкій дѣйствительно проживалъ, какъ это доказываетъ Н. А. Лавровскій, все время нашей войны съ Наполеономъ въ Польшѣ—онъ жилъ тамъ съ февраля 1811 по мартъ 1816 года,—то изъ этого никоимъ обра-

зомъ нельзя дѣлать вывода о желаніи его встрѣтить тамъ мессію поляковъ: едва ли вѣдь какое либо основаніе считать его способнымъ къ измѣнѣ. Наполеону сочувствовали въ Россіи до его похода многіе; съ другой стороны не всѣ были такъ враждебно настроены противъ него и въ особенности противъ французской націи, какъ Шадъ; и Потоцкій первый не могъ, въ силу присущей ему терпимости, одобрить такого неумѣреннаго галлофобства, какимъ постоянно при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ щеголялъ Шадъ. Какъ высшій начальникъ учебнаго заведенія, въ которомъ было въ числѣ преподавателей нѣсколько французовъ, онъ даже долженъ былъ смягчать рѣзкія проявленія племенной вражды, тѣмъ болѣе, что въ самомъ русскомъ обществѣ, какъ мы знаемъ, была тогда сильная реакція не только противъ французовъ, но и противъ иностранцевъ вообще.

Далъ ли какой нибудь ходъ этой просьбѣ Веймарскій посланникъ, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ никакихъ практическихъ послѣдствій она не имѣла. Это обстоятельство побудило Шада выступить въ 1820 году съ новымъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ по своему злополучному дѣлу.

XI.

Прошеніе Шада на Высочайшее имя 3-го февраля 1820 года.

3-го февраля 1820 г. Шадъ отправилъ прошеніе на Высочайшее имя и при немъ обширнѣйшую оправдательную записку о своемъ дѣлѣ, а также во 2-мъ приложеніи образцы своихъ религіозно-поэтическихъ упражненій. Вотъ подлинный текстъ прошенія. „Всепресвѣтлѣйшій“ непобѣдимѣйшій Монархъ, Всемиловитѣйшій Государь Императоръ! Въ минувшемъ году Ваше Императорское Величество Всемиловитѣйше приказали послать въ Германію 300 червонныхъ для меня и моего несчастнаго семейства. Сей Всемиловитѣйшій Вашего Императорскаго Величества даръ, за который приношу Вамъ мою чувствительную и благоговѣйную благодарность, былъ для меня тѣмъ болѣе восхитителенъ, что я, благодаря ему, получилъ возможность, нѣкоторымъ образомъ, спасти свою возлюбленную супругу, урожденную россиянку, снабдивъ ее достаточнымъ количествомъ денегъ для обратнаго пути въ ея отечество, дабы не видѣть ее нисходящею во гробъ въ Германіи, отъ горести моего несчастія.

Въ бытность мою въ Россіи, бывъ оклеветанъ коварнѣйшимъ образомъ, я сдѣлся жертвою моей чистѣйшей ревности къ добродѣтели, благочестію, христіанскому вѣроисповѣданію и священному дѣлу, за которое обагралась кровію вся Европа, за которое съ желаемымъ успѣхомъ сражались преимущественно Вы, Ваше Императорское Величество. Доказательства этого изложены въ приложеніяхъ А и В, кои я всеподданнѣйше прошу поручить строжайшимъ образомъ изслѣдовать мужамъ ученымъ, праводушнымъ и христіански-благочестивымъ. Дѣло это весьма важно. Оно касается не одного только меня, который, какъ полагаютъ по крайней мѣрѣ мыслящіе по свѣтски, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣтъ, оно наиболѣе касается Особы Вашего Императорскаго Величества, коего священное имя употреблено во зло и обезславлено безпримѣрнымъ безстыдствомъ клеветы; оно касается благосостоянія тѣхъ благоразумнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ учебныхъ заведеній, которыя Ваше Императорское Величество, Всемиловитѣйше учредили и о которыхъ имѣете отеческую попечительность; оно касается даже чести Вашего управленія, которая со стороны иностранныхъ государствъ представляется поставленною въ опасной тѣни.

Если по строгомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи приложеній А и В останется хотя малѣйшее сомнѣніе въ моей невинности или въ истинѣ того, что я утверждаю въ упомянутыхъ приложеніяхъ, то я готовъ, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества мановенію, пріѣхать въ Петербургъ для очной ставки съ моими оклеветателями, низринувшими меня, со всѣмъ моимъ семействомъ, въ бездну несчастія, готовъ подвергнуться всякому наказанію, если только я обличенъ буду въ какомъ либо преступленіи. Столь ужасную для всякаго преступника отвѣтственность я почту для себя величайшею милостію и высочайшимъ благополучіемъ, ибо я увѣренъ, что буду оправданъ, коль скоро выслушаны будутъ мои оправданія, въ чемъ однакожъ мнѣ отказываемо было доселѣ. Но Ваше Императорское Величество, какъ Государь правосуднѣйшій, человѣколюбивѣйшій и благочестивѣйшій, не можете быть равнодушны къ тому, чтобы дерзкая клевета употребляла священное имя Ваше къ угнетенію невинности и заслугъ; по этой причинѣ я остаюсь въ полной увѣренности, что Ваше Величество дозволите мнѣ подвергнуться той строжайшей отвѣтственности, каковой, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ Особѣ Вашей, охотно ожидаю. Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга, прежде бывшій профессоръ философіи и латинской словесности при Харьковскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ Іоанъ-Шадъ.

Самая оправдательная записка, представляющая первое приложение, чрезвычайно обширна, и потому мы помѣстимъ ее съ сокращеніями, удержавъ однако все существенное. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ пунктамъ—сначала Шадъ говоритъ о своихъ матеріальныхъ потеряхъ, затѣмъ о нравственныхъ огорченіяхъ, характеризуетъ роль въ этомъ дѣлѣ своего обвинителя Дегурова и попечителя С. О. Потоцкаго, разбиваетъ обвиненія, направленные противъ его книги „*Institutiones juris naturae*“, опредѣляетъ свое отношеніе къ философіи Шеллинга, защищаетъ свои сочиненія — „*De viris illustribus*“, нѣмецкую хрестоматію и изслѣдованіе о свободѣ человѣческой мысли, характеризуетъ подробно духъ своей собственной христіанской философіи, рассказываетъ интересный эпизодъ со своею актовой рѣчью и заканчиваетъ свое объясненіе новымъ указаніемъ на виновниковъ своего изгнанія. Записка составлена чрезвычайно вѣско и убѣдительно, написана превосходнымъ краснорѣчивымъ языкомъ, можетъ быть признана въ общемъ крупнымъ ораторскимъ произведеніемъ. Шадъ воспитался на выдающихся образцахъ классической литературы и прекрасно владѣлъ стилемъ какъ своего роднаго нѣмецкаго, такъ равно и латинскаго языка. Къ этимъ виѣшнимъ свойствамъ изложенія присоединялась еще несокрушимая логика его яснаго, свѣтлаго ума и страстное воодушевленіе предметомъ изложенія, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, составлялъ частицу его собственнаго „я“; дѣло шло для него не только о матеріальной, но и нравственной реабилитации; изгнаніе разбило его жизнь, а онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда трудно уже начинать все съизнова. Съ Харьковскимъ университетомъ у него связаны были представленія какъ о лучшей порѣ жизни: монастырское послушаніе, отъ котораго онъ бѣжалъ съ опасностью жизни, оставило одни печальныя воспоминанія; приватъ-доцентура въ Іенскомъ университетѣ была только началомъ его ученой карьеры, а Харьковская профессура была періодомъ полного расцвѣта его умственныхъ силъ, матеріальнаго довольства, новой семейной жизни, власти и вліянія: тутъ онъ былъ не только ординарнымъ профессоромъ, но и деканомъ, членомъ училищнаго комитета, правленія, секретаремъ совѣта, авторомъ руководствъ для учащагося юношества... И все это рушилось, благодаря клеветѣ, какъ онъ думалъ, француза и галлофильствующаго польскаго графа! И онъ употребляетъ теперь послѣднее усиліе, что бы разбить козни своихъ враговъ! Онъ представляетъ какъ бы цѣлую рукописную книгу въ защиту своей невинности, онъ высказывается въ ней до истиннаго пафоса, а во второмъ приложеніи представляетъ философско-поэтическіе опыты, въ которыхъ однако было

мало философіи и еще меньше поэзіи. Но ему нужно было въ интересах самозащиты воспользоваться всѣми средствами, бывшими въ его распоряженіи, — и онъ сильно рассчитывалъ, очевидно, на реабилитацию свою въ глазахъ министра піетиста при помощи такихъ средствъ, какъ посылка ему переводовъ псалмовъ или религіозно-піитическихъ упражненій. Подобное подчеркиваніе христіанскихъ воззрѣній разсѣяно во многихъ мѣстахъ оправдательной записки Шада—и это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи его философскаго міросозерцанія. Въ цѣляхъ самооправданія онъ пытался затушевать свой раціонализмъ и наоборотъ старался ярче выставить свое христіанское воззрѣніе и настроеніе. Мы охотно ему вѣримъ, когда онъ утверждаетъ, что пытался гармонически слить вѣру съ разумомъ, примирить христіанство съ философіей, но во всякомъ случаѣ онъ не всегда стремился къ этому—были моменты, когда у него преобладало раціоналитическое настроеніе и онъ являлся ярымъ защитникомъ полной свободы разума; да и въ сочиненіи „*Institutiones juris naturae*“ отзывается все таки еще старый философъ—раціоналистъ, имѣющій по существу мало общаго съ такими піетистами, какъ кн. А. Н. Голицынъ. Впрочемъ объ этомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ позже, а теперь обратимся къ образцовой защитительной рѣчи Шада.

„Дѣйствиємъ коварнѣйшей клеветы прежде бывшаго при Харьковскомъ университетѣ профессора Дегурова, я потерялъ не только свою должность, но и большую часть моего многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго имущества, простирающагося до 30.000 рублей, ибо я имѣлъ въ Харьковѣ два изрядные дома, которые, судя по ежегодному отъ нихъ при мнѣ доходу, могли быть оцѣнены въ 20.000 рублей, но которые однакожъ, послѣ моего изгнанія изъ Россіи, проданы были только за 9.000 рублей; да и изъ этой суммы я доселѣ ничего не получилъ. Кромѣ того у меня оставалось тогда на 10.000 рублей экземпляровъ моихъ сочиненій, которыя я печаталъ на собственный счетъ и издавалъ по побужденію чистѣйшей ревности къ просвѣщенію. Когда же профессоръ Дегуровъ, вспомошествоваемый графомъ Потоцкимъ, достигъ того, что, послѣ изгнанія моего изъ Россіи, и мои сочиненія были запрещены, тогда потерялъ я не только ту сумму, какой, по продажной цѣнѣ, стоили оставшіеся экземпляры, но и самыя издержки на ихъ печатаніе, простиравшіяся до 3.000 рублей. Наконецъ, отдаленныя поѣздки, которыя я самъ и жена моя должны были предпринимать, по случаю моего несчастія, стоили мнѣ до 8.000 рублей. Я не включаю въ общую смѣту моего двойнаго жалованья, какое слѣдовало мнѣ получать по званію профессора философіи и латинской

словесности и какого однакожь, по моему желанію, я не получалъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. А если и эта сумма причислена будетъ къ прочимъ моимъ убыткамъ, то вся потеря простирается будетъ до 40.000 рублей.

Оставалось у меня еще изъ всего вообще моего имущества до 12.000 рублей въ векселяхъ, которые, повидимому, обезпечены были судебнымъ порядкомъ. Въ то время, какъ еще можно было по этимъ векселямъ получить уплату, я послалъ ихъ чрезъ Великогерцогскій Іенскій городской судъ въ Харьковскій университетъ, прося передать ихъ тамошнему моему повѣренному, профессору Дудровичу съ тѣмъ, чтобы онъ, по учиненіи взысканія, переслалъ полученные имъ деньги ко мнѣ въ Германію. Но дѣлу этому дано было такое направленіе, что векселя, съ цѣлью лишенія меня и остатка моего имущества, самымъ безчестнымъ образомъ задержаны были университетскимъ комиссаромъ въ Бродахъ, и съ меня же взяты были за напрасныя портовые издержки 532 рубля, которыхъ университетское правленіе требовало отъ моего повѣреннаго и которые онъ выдалъ изъ моихъ денегъ, бывшихъ у него въ рукахъ, не получивши однакожь векселей, за оставленіемъ ихъ въ Бродахъ. Такимъ образомъ, должники получили поводъ отказываться и отказываются доселѣ отъ производства уплаты, по причинѣ недоставленія имъ векселей.

Благодаря этому, я потерялъ навсегда и достопочтенную мою супругу, урожденную россіянку, ибо, хотя она, по своему великодушію и готовности жертвовать собою, оставила для меня свое отечество, совершила, безъ всякаго сопутника, крайне затруднительный путь отъ Харькова до Берлина, гдѣ я, за два года передъ этимъ, имѣлъ свое мѣстопробываніе, и предприняла это путешествіе единственно съ тѣмъ благороднѣйшимъ намѣреніемъ, чтобы по долгу вѣрной и усерднѣйшей супруги, оказывать мнѣ свою помощь и дѣлить со мною всякое несчастье; но такъ какъ отнять уже былъ у меня и самый остатокъ моего имущества и, вмѣстѣ съ этимъ, послѣднее средство для содержанія моего семейства, то могъ ли я, съ своей стороны, подумать о томъ, чтобы столь благородно-мыслящая россіянка погибала вмѣстѣ со мною въ Германіи? Я желалъ лучше лишиться ея вспомошествованія и утѣшенія, для каковаго она переѣхала ко мнѣ въ Германію, нежели видѣть ее изнемогающею отъ моего несчастья; и потому, дабы нѣкоторымъ образомъ спасти, по крайней мѣрѣ, ее одну, я раздѣлилъ съ нею присланныя мнѣ въ даръ отъ Его Императорскаго Величества 300 червонныхъ и отправилъ ее обратно въ ея отечество, гдѣ она, при своей отличной честности и способностяхъ, легко можетъ найти

средство къ пропитанію себя. Конечно, какъ для нея, такъ и для меня крайне горестно было то, что она, будучи женою коллежскаго совѣтника, который притомъ назначенъ уже былъ Петербургскимъ начальствомъ, къ производству въ статскіе совѣтники, должна была разлучиться со мною навсегда съ тѣмъ, чтобы искать въ частныхъ домахъ себѣ мѣста для услуженія, между тѣмъ какъ она же во время моего благосостоянія имѣла все, потребное для поддержанія чести ея званія и была сама почтенною хозяйкою. Теперь я лишился ея навсегда, ибо обратный вѣздъ въ Россію мнѣ воспрещенъ. Утѣшаюсь одною только надеждою, что опять могу найти ее въ будущей лучшей жизни. Такъ изъ рукъ моего Спасителя, ради имени коего я претерпѣваю мое теперешнее гоненіе, обратно получу ее, не разлучаясь уже съ нею никогда.

Благодаря же этому, не заслуженному мною несчастію, я потерялъ и любезную дочь мою дѣвицу 15-ти лѣтняго возраста, въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ раскрывающихся дѣвственныхъ прелестей, ибо нѣкоторые изъ друзей преждебывшаго профессора Дегурова, дабы уязвить меня наичувствительнѣйшимъ образомъ, по изгнаніи меня изъ Россіи, довели ее, посредствомъ различныхъ, въ обманчивомъ видѣ представленныхъ убѣжденій и совѣтовъ, до самаго края какъ физическаго, такъ и нравственнаго растлѣнія. Они развратили ее до такой степени, что она убѣждала отъ моей жены, а ея мачихи, и, недовольствуясь этимъ, заготовили для нея различныя бумаги съ тѣмъ, чтобъ она подала ихъ въ присутственныя мѣста и могла воспользоваться имуществомъ несчастнаго ея отца. Но какъ таковое предпріятіе имъ не удалось, то они склонили ее, вопреки моей родительской волѣ, остаться въ Харьковѣ въ то время, когда ей надлежало бы вмѣстѣ съ моею женою отправиться въ Берлинъ. Теперь она отринута всѣми, и, не имѣя челоуѣка, который бы былъ ея руководителемъ и защитникомъ, осталась подверженною всѣмъ опасностямъ ея нѣжнаго возраста и пола. О! если бы Богъ благоволилъ ей лучше умереть въ ея невинности, нежели быть нынѣ погибшею нравственно. Мстѣщій за развращеніе невинности уже наказалъ злادѣяніе, ибо два профессора, бывшіе преимущественными развратителями моей дочери, умерли въ прошедшемъ году и предстоятъ судилищу того грознаго судіи, который нѣкогда сказалъ: *горе челоуѣку, иже соблазнитъ единаго отъ мамахъ сихъ, впряхущихъ въ Мя! Уне есть ему, да обьясится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.* Матѣ. XVIII. 6, 7, Сердечно желалъ бы я взыскать эту погибшую овцу и спасти ее, если бы только имѣлъ позволеніе пріѣхать въ Россію. Умоляю милосердіе

и человеколюбіе Его Императорскаго Величества приказать сдѣлать распоряженіе, дабы дочь моя, находящаяся теперь въ величайшей опасности нравственнаго развращенія, препровождена была комнѣ въ Германію. Я бы нашелъ здѣсь возможность помѣстить ее въ какомъ либо честномъ семействѣ. Спасеніе погибающаго дитяти достойно было бы власти столь высокаго друга человечества.

Мой сынъ хотя находится со мною въ Іенѣ и обучается медицинѣ, но такъ какъ я доселѣ не могъ получить даже остатка моего имущества, то и онъ, какъ не имѣющій надежды окончить своихъ наукъ, безъ пособія отъ высшаго начальства,—и онъ также потерявъ для своего образованія. По этой причинѣ желалъ бы я, чтобъ Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволило назначить ему, пока будетъ онъ обучаться, небольшой пансіонъ, при помощи коего могъ бы онъ окончить свой курсъ и потомъ, какъ прилично честному и обще-полезному человѣку, посвятить бы себя службѣ Его Императорскаго Величества, къ коей онъ тѣмъ болѣе способенъ, что знаетъ очень хорошо русскій языкъ.

Столь ужасную потерю моей должности, моего имущества и даже моего любезнаго семейства претерпѣваю я не за какое либо мое преступленіе, но единственно за мою живѣйшую, чистѣйшую и священнѣйшую ревность, кою я руководствовался,—за ревность къ добродѣтели, благочестію, христіанскому вѣроисповѣданію, благу человечества и священному дѣлу, за которое преимущественно Его Императорское Величество сражался предъ лицомъ своего побѣдоноснаго воинства и оказалъ безсмертныя услуги не только всей Европѣ, но и цѣлому свѣту. Я претерпѣваю потерю эту послѣ 13-лѣтней моей службы, каковую я проходилъ съ патріотическою вѣрностію и неутомимою дѣятельностію, для блага русскаго юношества и народа,—потерю при моей глубокой старости, ибо мнѣ отъ роду уже 62 года. Я претерпѣваю таковую потерю единственно по клеветѣ, какою, при содѣйствіи графа Северина Потоцкаго, очернилъ меня прежде бывший профессоръ Дегуровъ,—такой человѣкъ, который, подъ прежнимъ его прозваніемъ Дегура, былъ во время революціи книгопродавцемъ въ Парижѣ и игралъ подозрительную роль, что и видѣть можно изъ его сочиненія, изданнаго имъ въ 1791 году, подъ заглавіемъ: *Новая французская риторика для юныхъ дѣвицъ, извлеченная изъ рѣчей, произнесенныхъ въ національномъ собраніи, и изъ твореній Вольтера, Руссо, Рейналя, Монтескьё и иныхъ*. Всѣмъ извѣстно, сколь смѣлыя рѣчи говорены были, предъ смертію короля, противъ правъ государей, духовенства, дворянства, противъ христіанскаго богослуженія и всякаго

политическаго и нравственнаго порядка. Если бы эта книга выписана была изъ Парижа, то безъ сомнѣнія найдено было бы въ ней весьма важное объясненіе качествъ Дегурова и тѣхъ причинъ, по которымъ воздвигнуто было имъ на меня гоненіе, ибо книги, на которыя онъ сдѣлалъ доносъ, написаны мною въ духѣ строгой нравственности, христіанскаго благочестія, истинной любви къ отечеству и были очевиднѣйшими доказательствами моего величайшаго отвращенія къ гнуснымъ сценамъ французской революціи и тиранну Европы.

Но такъ какъ эта ревность моя къ добродѣтели, благочестію и христіанскому вѣроисповѣданію и мое отвращеніе къ французскимъ безпорядкамъ преимущественно обнаруживаются въ моемъ „Естественномъ правѣ“, то Дегуровъ и почелъ за нужное очернить это сочиненіе преимущественно предъ всѣми прочими. Я началъ писать его тогда, когда французы изгнаны были изъ Москвы и изъ всего Россійскаго государства, и представилъ въ полной системѣ только то, что Его Императорское Величество, нѣсколько лѣтъ спустя, выразилъ краткими, но сильными словами въ священномъ союзѣ, внушивъ тоже самое и всѣмъ прочимъ христіанскимъ государямъ. Я доказывалъ въ этой книгѣ, что безъ добродѣтели и благочестія никакіе законы, никакія государственныя конституціи, никакое благоденствіе народное не могутъ имѣть твердаго основанія и рано или поздно, безъ этихъ главныхъ опоръ, должно погибнуть всякое государство, хотя бы оно обладало всѣми средствами физическаго всемогущества. Это доказывалъ я паденіемъ многовѣчнаго Рима, а наиболѣе случившимся предъ нашими очами низверженіемъ того государства, какое составилъ вышедшій изъ ущельевъ корсиканскихъ тираннъ Европы. Далѣе я возводилъ совершенно языческія понятія къ общему источнику добродѣтели и богослуженія; доказывалъ, что всякая безопасность, какою только можетъ наслаждаться могущественнѣйшее государство остается весьма ненадежною, если только государство это, при своемъ возвышеніи, не будетъ держаться правилъ благочестія и имѣть въ своемъ повиновеніи сердца и совѣсть согражданъ, какъ вѣрнѣйшихъ заложниковъ общественной безопасности. Я объяснялъ всѣ мои положенія примѣрами новѣйшихъ событій. Мое намѣреніе клонилось единственно къ тому, чтобъ доставить русскому юношеству книгу, которая бы была написана не сухимъ и школьнымъ—афористическимъ, но живымъ и цвѣтистымъ слогомъ, и которою бы можно было восполнять въ сердцахъ юношей благороднѣйшее чувство добродѣтели, христіанскаго богослуженія и искренней готовности жертвовать собою для блага отечества или человѣчества вообще.

И это—столь очевидное для каждого намѣреніе мое казалось поклонникамъ военнаго чудовища нашего времени такимъ преступленіемъ, которое заслуживало непримиримой ихъ противъ меня ненависти. И потому какъ скоро графъ Потоцкій, послѣ 6-лѣтняго его отсутствія, возвратился къ своему осиротѣвшему и въ величайшій безпорядокъ приведенному университету, они принесли ему свою жалобу на мои сочиненія и особенно на мое „Естественное право“. А что они преимущественно полагались на его покровительство и отъ него ожидали исполненія предъумышленнаго ими для меня несчастія, это явствуетъ изъ того, что они, до его пріѣзда, никогда не отваживались обнаруживать даже малѣйшаго неудовольствія противъ моихъ сочиненій, какъ изданныхъ съ дозволенія университетской цензуры и принятыхъ всѣми благомыслящими людьми съ отличнымъ одобреніемъ, нѣсколько лѣтъ уже употреблявшихся при публичныхъ лекціяхъ въ университетѣ и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Попечитель, по жалобѣ своихъ любимцевъ, положилъ непремѣнно погубить меня. Но дабы достигнуть этой цѣли, онъ побудилъ наиболѣе прочихъ злобствовавшего противъ меня профессора Дегурова написать доносъ на мое „Естественное право“. Дегуровъ, одобряемый столь сильнымъ покровительствомъ, ни мало не затруднялся при составленіи доноса, написалъ его на скорую руку, и при томъ такъ, что большая часть доносныхъ пунктовъ обвиняетъ меня совершенно въ противоположномъ тому, что написано въ самой книгѣ. Я приведу здѣсь нѣкоторые только изъ таковыхъ обвиненій.

Самое важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ моемъ „Естественномъ правѣ“ встрѣчаются якобы такія мѣста, которыя заключаютъ въ себѣ самыя дерзкія ругательства противъ существующихъ въ Россіи постановленій. Дегуровъ отмѣчалъ такія мѣста одними только числами страницъ: 183, 302, 345. Онъ не выписывалъ самихъ мѣстъ и поступилъ на этотъ разъ довольно хитро, ибо, въ противномъ случаѣ, обманъ тотчасъ бы сдѣлался явнымъ. Но коль скоро отысканы будутъ эти мѣста въ самой книгѣ и прочтены будутъ въ связи съ прочими ближайшими, тогда всякій будетъ дивиться безстыдству обвинителя, увидѣвъ тутъ же, что онъ не только клеветаетъ на сочинителя книги, который во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ утверждаетъ вѣчно священные истины, но и самымъ наглымъ образомъ безчеститъ россійское правительство. (Затѣмъ слѣдуетъ выдержка изъ 183-й страницы книги, но такъ какъ Шадъ касался ея въ прежней запискѣ, то мы останавливаться на ней теперь не будемъ).

На страницѣ 302 доказываю я, вопреки мнѣнію большей части преподавателей естественнаго права, зараженныхъ новою философіею,

что неограниченное сладострастіе и многоженство противны естественному праву. Это доказываю я частію изъ священнаго писанія, частію изъ здраваго смысла. Доказательства, заимствуемыя мною изъ священнаго писанія, предварительно изложены на страницѣ 300 въ нижеслѣдующемъ видѣ. „Что-же касается до меня, то я ни въ одномъ изъ философскихъ сочиненій не нашелъ ничего благоразуміе того изреченія, какое сказано по этому предмету въ священномъ писаніи новаго завѣта, хотя, по принятому между философами обыкновению, это послѣднее и пренебрегается до такой степени, что тотъ, кто уважаетъ свидѣтельства священнаго писанія, или сдѣлаеть изъ него какое либо заимствованіе, не почитается уже философомъ и даже подвергается осмѣянію. Но въ XIX главѣ евангелиста Матѳея есть, на этотъ случай, самое примѣчательное мѣсто (стихъ 3 — 9). Здѣсь Іисусъ Христосъ ясно показываетъ, что разрѣшеніе упомянутаго вопроса должно быть извлечено изъ разсмотрѣнія самаго естества человѣка, изъ первоначальнаго закона супружества, изъ одинаковой необходимости и цѣли обоюго пола, а не изъ состоянія растлѣнной нравственности, безпорядочнаго дѣйствія страстей или положительныхъ законовъ, побуждающихъ такимъ страстямъ“.

Послѣ этихъ доказательствъ, взятыхъ изъ священнаго писанія, я на страницѣ 302 продолжаю свои изслѣдованія и говорю мѣсто это было приведено Шадомъ въ болѣе ранней оправдательной запискѣ и потому мы его опускаемъ.

И здѣсь, равно какъ и въ предъидущемъ мѣстѣ, кто можетъ найти нѣкоторое слабое подобіе хулы противъ какого либо въ Россіи существующаго постановленія? Я никакъ не могъ здѣсь мѣтить ни на кого изъ христіанскихъ государствъ, зная навѣрное, что многоженство изгнано отовсюду, гдѣ только существуетъ христіанство. Всего менѣе могъ я въ этомъ случаѣ дѣлать упреки Россійскому государству, какъ отличающемуся отъ многихъ иныхъ наивысшею строгостію своего законоположенія и совершенною сообразностію съ правилами греческой церкви. Мое намѣреніе было только опровергнуть тѣхъ учителей естественнаго права, которые, по своей привязанности къ умствованіямъ лжеименной философіи, утверждаютъ, что многоженство, само по себѣ, дозвоительно и что оно, безъ нарушенія справедливости, можетъ быть принято во всякомъ государствѣ. Это намѣреніе мое столь ясно выражено на страницѣ 292, что, кажется, никакимъ инымъ образомъ перетолковать его не возможно. Вотъ самое мѣсто, въ которомъ я объясняю его. „Многіе учителя естественнаго права утверждаютъ, что многоженство дозвоительно, какъ по состоянію естествен-

ному, такъ и по гражданскому, если только между какимъ либо супругомъ и супругою не сдѣлано будетъ частнаго условія о единоженствѣ и единомужіи. Но я полагаю, что многоженство явно противорѣчить естественному праву, а потому оно и законами гражданскими, безъ угнетенія справедливости, не можетъ быть ни постановлено, ни дозволено. Если же въ какомъ либо государствѣ оно и узаконено, то таковое узаконеніе я почитаю обиднымъ для человѣчества, а посему и заслуживающимъ уничтоженія. Оно явно противорѣчитъ естественному праву, никакою общераспространенностью народнаго обыкновенія, никакимъ всеобщимъ согласіемъ, и никакими противоположными этому праву законами оправдано быть не можетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя и въ древности были, и нынѣ существуютъ очень многіе народы, которые пользуются этою вольностію или по одному только обыкновенію, или по законоположенію гражданскому, но изъ этого нельзя вывести никакого доказательства въ оправданіе многоженства, хотя бы оно когда принято было не только многими, но и всѣми народами вообще. Изъ этого же слѣдуетъ, что дозволенность или недозволенность многоженства нимало не зависитъ отъ законовъ положительныхъ, а тѣмъ менѣе отъ условій частныхъ, ибо истинное состояніе дѣла совершенно опредѣляется правомъ первоначальнымъ. Оттуда же явствуется, сколь ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ многоженство обиднымъ тогда только, когда или между двумя лицами сдѣлано будетъ частное условіе о единоженствѣ, или когда многоженство запрещено будетъ закономъ гражданскимъ. Изъ этого объясненія всякій видитъ, что и въ упомянутомъ второмъ мѣстѣ, на которое указываетъ обвинитель, я доказываю только то, что совершенно согласно съ здравымъ разсудкомъ, христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ и законодательствомъ всѣхъ христіанскихъ государствъ. Да и можетъ ли это мѣсто быть хулою противъ какого либо россійскаго постановленія тогда какъ всѣмъ извѣстно, что россійское законоположеніе, слѣдуя буквальному евангельскому ученію, сохраняетъ относительно брака еще гораздо большую строгость, нежели инныя многія христіанскія правила? Впрочемъ, если мысли мои, изложенныя въ упомянутомъ мѣстѣ, могутъ быть признаны хулою противъ какого либо россійскаго постановленія, то изъ этого слѣдуетъ, что многоженство принято въ Россіи на законномъ основаніи. Но таковую хулу произношу уже не я, а мой обвинитель.

Приведа выдержку изъ 345-й страницы своей книги, Шадъ замѣчаетъ. Возможно ли, чтобъ во всей этой статьѣ, въ коей должности подданныхъ къ ихъ государямъ, излагаются съ такою точностію, безъ

пристрастіемъ и сообразностію съ здоровымъ разумомъ и ученіемъ евангельскимъ,—возможно ли, чтобъ самое остроумнѣйшее злоухищреніе открыло здѣсь какое либо порицаніе Россійскихъ постановленій? И сколь безразсудно, сколь отвратительно должно быть то постановленіе, въ которомъ совершенно противное изложеннымъ мною истинамъ принимается за законъ! Одни только неистовѣйшіе якобинцы могли, во время французской революціи, распалаться мщеніемъ и прибѣгать къ преслѣдованію и жалобамъ на сочинителя за такое изложеніе должностей, коими подданные обязаны своимъ государямъ. Хотя Гоббзій и говоритъ, что все различіе между дѣйствіями законными и незаконными зависитъ отъ одного произвола гражданскихъ законодателей; но въ этомъ никто не можетъ съ нимъ согласиться, кромѣ презрѣннѣйшихъ изверговъ челоуѣчества. Такое основаніе законодательства прилично одной только ужаснѣйшей тираніи: оно есть гробъ всякой добродѣтели, богослуженія, челоуѣческаго достоинства и благополучія. И такое ли основаніе законодательства долженъ былъ я защищать? Нѣтъ, я бы не усумнился опровергать его и тогда, когда бы, дабы заставить меня быть защитникомъ его, предложены были мнѣ, съ одной стороны, короны, а съ другой мученія самого ада. Одному только Кайю Калигулѣ, наигнуснѣйшему изъ тиранновъ, свойственно было, какъ повѣствуется у Светонія, нѣкогда сказать: *помни, что мнѣ позволительно все и надъ всѣми*. Если же я злословилъ въ этомъ мѣстѣ Россійскія постановленія не словами самаго злословія, но одною противоположностію моихъ правилъ этимъ постановленіямъ, то изъ этого слѣдовало бы, что эти постановленія имѣютъ своимъ основаніемъ такое положеніе, которымъ уничтожается всякое существенное различіе между добродѣтелью и порокомъ, между справедливостію и несправедливостію, а по сему и самыя понятія о священномъ гласѣ совѣсти и безусловной обязанности, истекающія изъ предвѣчнаго разума и подтверждаемыя ученіемъ Іисуса Христа, почитаются за одни только призраки воображенія. Изъ сего слѣдовало бы, что и апостолы, равно какъ и христіане первенствующей церкви поступали несправедливо, когда, вопреки запрещенію языческихъ императоровъ, не только были послѣдователями христіанскаго ученія, но и защитниками, и распространителями его. Изъ этого же слѣдовало бы, что и самъ Іисусъ Христосъ возбуждалъ тогда къ мятежу, когда говорилъ: (Мате. X. 28): *не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; бойтесь же паче могущаго, и душу и тѣло погубити въ небытіе*. Равнымъ образомъ и эти всѣхъ апостоловъ слова.—(Дѣян. V. 29): *яко повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели челоуѣкомъ*—были

бы не иное что, какъ общій вызовъ къ возмущенію. Но святъ гласъ совѣсти каждаго человѣка не только по ученію евангелія и здраваго разума; свята каждая безусловная обязанность; свято убѣжденіе во всякой истинѣ, относящейся къ высшему назначенію человѣка; свято дарованіе свободы, въ слѣдствіе коей мы можемъ мыслить и дѣйствовать по точному первообразію Богоподобія. Приписывать русскому законоположенію такія правила, которыя въ отношеніи къ этимъ священнымъ и вѣчнымъ истинамъ составляютъ совершенную противоположность, есть хула противъ него самая наглая и всякаго наказанія достойная, есть такая хула, въ которой самъ обвинитель остается виновнымъ и чрезъ которую онъ опорочилъ русское правительство даже предъ лицомъ государствъ иностранныхъ. Ибо съ самаго изгнанія меня изъ Россіи въ качествѣ преступника, я не иначе могъ быть почитаемъ во всякомъ мѣстѣ, куда бы я не явился, какъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, подозрительнымъ, а потому и политически не иначе могъ быть терпимъ, какъ подъ условіемъ моей невинности; самое же объясненіе не иначе могло быть учинено, какъ представленіемъ мѣстному правительству, вмѣстѣ съ доносными пунктами, и самыхъ тѣхъ сочиненій, которыя я издалъ въ Россіи и за которыя, по одному только доносу, безъ всякаго выслушиванія моихъ оправданій, осужденъ рѣшительно. Такимъ образомъ, долженъ былъ я объясняться предъ правительствомъ Берлинскимъ и Веймарскимъ, и всякій, кто только ни слыхалъ мои сочиненія съ этими, совершенно клеветническими пунктами, не могъ достаточно надивиться дѣйствію ихъ на русское правительство; а вслѣдствіе этого самое происшествіе это, по необходимости, бросало на русское правительство очень темную тѣнь. Я же, съ своей стороны, хотя и старался доказывать вездѣ, что все случившееся со мною и моимъ семействомъ несчастіе произошло не отъ самого правительства, но отъ насилія клеветы, произведенной столь коварнымъ образомъ, что правительство, по необходимости, ею было обмануто, и дѣйствительность такого моего поведенія можетъ засвидѣтельствовать самъ Великій Герцогъ Веймарскій и даже доказать это представленнымъ ему отъ меня обстоятельнымъ изложеніемъ моей невинности, если только благоугодно будетъ ему сообщить это изложеніе русскому правительству, при всемъ томъ, я не въ состояніи былъ предотвратить невыгодныхъ мнѣній по этому случаю особенно тогда, когда отняли у меня и самый остатокъ моего имущества.

Не понятно, какимъ образомъ графъ Северинъ Потоцкій, прежде бывшій попечителемъ Харьковскаго университета, могъ не только самъ одобрить столь безстыдную на мои сочиненія клевету профессора Де-

гурова, но и представить ее высшему начальству, съ присовокупленіемъ своего увѣренія, что онъ разсматривалъ сдѣланный на меня доносъ, въ продолженіи цѣлаго года, самымъ строжайшимъ и самымъ безпристрастнѣйшимъ образомъ и нашелъ его совершенно справедливымъ во всѣхъ частяхъ. При такомъ увѣреніи, нельзя было не обмануться правительству, праводушнѣйшему и человѣколюбивѣйшему, а особенно высшему правительству столь обширнаго государства, какова Россія, гдѣ нѣтъ возможности всегда повѣрять сдѣланныя уже изслѣдованія новыми разслѣдованіями, если только правительство не будетъ имѣть въ виду достаточныхъ причинъ, которыми бы оно могло доказать, что представленныя ему изслѣдованія сдѣланы не справедливо. Да и можно ли было подозрѣвать, чтобы столь значительная особа, какъ попечитель университета, могъ говорить не самую сущую истину въ такомъ дѣлѣ, которое касается благосостоянія профессора и его семейства, а хотѣлъ бы только удовлетворить мстительности и злобѣ какого-либо клеветника? Въ силу этихъ обстоятельствъ министры имѣли основаніе думать, что къ свидѣтельству попечителя надобно имѣть полную довѣренность, что дошедшее до нихъ дѣло не могло не быть изслѣдовано и разсмотрѣно достаточнымъ образомъ и что имъ, послѣ этого, не остается ничего болѣе, какъ положить наказаніе, соответствующее преступленію.

Второе обвиненіе заключается въ томъ, что *все отдѣленіе о бракѣ*, по словамъ обвинителя, *представлено въ соблазнительномъ и для нравственнаго чувства отвратительномъ видѣ*. Но всякій, кто бы ни прочелъ въ моемъ „Естественномъ правѣ“ отдѣленіе подъ заглавіемъ: *право семейственное*, простирающееся отъ страницы 283 до 320, всякій, безъ сомнѣнія, увидѣлъ бы, что этотъ важный предметъ изложенъ мною въ выраженіяхъ столь чистыхъ, цѣломудренныхъ и духовныхъ, что, въ подобномъ случаѣ, едва ли поступилъ такимъ же образомъ какой либо философъ, законоискусникъ и даже богословъ. Въ слѣдующихъ мѣстахъ, находящихся на стр. 283, 286 и 290, изложены главныя понятія, по которымъ образовано и все цѣлое. „Всеблагій и премудрый творецъ естества, дабы самымъ началомъ человѣческаго рода показать, что онъ есть не что иное, какъ изображеніе вѣчнаго любви, какъ одно только семейство, соединенное взаимною любовію, сотворилъ человѣка такъ, чтобъ въ двухъ лицахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изображалось единое существо человѣка.—Слѣдовательно, истинный человѣкъ заключается не въ одномъ только мужинѣ и не въ одной только женщинѣ, но во внутреннемъ соединеніи обоихъ. Такое внутреннее соединеніе производится не властію или силою, но единою взаимною любовію, къ

сладоcтѣмъ коей влечется и та, и другая сторона прїятною необходимостію. И эта то взаимность любви производитъ то совершенное равенство права, по которому ни одно изъ двухъ лицъ не можетъ употреблять другое единственно въ видѣ средства, ибо каждое изъ нихъ есть и средство, и цѣль для другого. Мужчина наиболѣе отличается отъ женщины преимуществомъ крѣпости, какъ тѣлесной, такъ и духовной, а въ женщинѣ наиболѣе выражается прелесть, благотворительность, кротость, красота. Собственные качества того и другого лица должны совокупиться во едино, дабы составить собою образъ истиннаго и совершеннаго человѣка. Мужчина, разсматриваемый въ отдѣльности, составляетъ только половину человѣка, также точно и женщина. Слѣдовательно, истинный образъ человѣчества скрывается въ одномъ только внутреннемъ соединеніи обоихъ лицъ и осуществляется взаимнымъ сообщеніемъ и сліяніемъ способностей и свойствъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ. Такое соединеніе производитъ все, что можетъ человѣка возвысить и сдѣлать благополучнымъ, ибо оно налагаетъ прїятную необходимость отречься отъ всякаго своекорыстія и самолюбія и жить для великаго семейства людей, на которое обращено вниманіе и попечительность небснаго Отца; оно дѣлаетъ человѣка участникомъ предвѣчнаго совѣта въ отношеніи къ человѣческому роду,—участникомъ въ томъ отношеніи, по которому онъ какъ бы изливается всѣмъ своимъ существомъ въ океанъ разумныхъ существъ, оставляетъ несообщительную единичность своего естества и обращаетъ всѣ свои мысли, всѣ дѣянія ко благу человѣчества вообще. Полъ мужскій, находясь въ этомъ состояніи соединенія, совлекается своей естественной жесткости и обидной суровости, ибо устрашающая сила его, какъ тѣлесная, такъ и душевная, смягчается нѣжностью и плѣнительнымъ характеромъ иного пола и, вмѣстѣ съ симъ, напечатлѣвается на немъ такая наружность, которая внушаетъ къ нему и уваженіе, и любовь. Нѣжность женскаго пола, сочетавающаяся съ крѣпостію мужскаго, проникаемая ею, наконецъ сливается съ нею во едино, воспріимлетъ нѣкоторый видъ божественности, во взорахъ коей усматривается и сила, и благотворительность, возбуждающія чувство не только довѣренности, но и любви. Женщина, подобно виноградной лозѣ, износящей и распространяющей свои нѣжныя отрасли, соединяясь тѣснѣйшимъ образомъ со своимъ супругомъ, какъ своею опорою и поддержкою, никакихъ не опасается бурь. Она, такъ сказать, теряетъ себя въ своемъ супругѣ, дабы въ немъ же найти себя, и супругъ, благорасположенный и правомыслящій, по своему великодушію, жертвуетъ всѣмъ для своей возлюблен-

ной, старается воздать ей гораздо болѣе, нежели сколько отъ нея пріемлетъ, и, по вступленіи въ благороднѣйшее состязаніе любви, усердія и всемѣрной услужливости, можетъ наслаждаться самой жизнію и почитать себя благополучнымъ тогда только, когда бываетъ увѣренъ, что онъ живетъ только для нея. Здѣсь совершается истинный размѣнъ личностей, по которому всякое побужденіе своекорыстія совершенно подавляется и искореняется. Какъ можно сказать, чтобы столь священные, столь чистыя и столь духовныя понятія о бракосочетаніи, кои всѣ заимствованы изъ божественнаго духа вѣроисповѣданія Іисусова, возмущали нравственность, или были соблазнительны? Сколь бы свѣтъ былъ счастливъ, если бы таковыя мысли и расположенія господствовали всюду и были бы общимъ правиломъ жизни! Если онѣ заключаютъ соблазнъ, то я желалъ бы заразить этимъ соблазномъ цѣлый свѣтъ, будучи увѣренъ, что тогда было бы небо на землѣ. Но сколь надобно быть слѣпу и развратну, чтобы подъ этою любовью, каковую я полагаю въ основаніе брачнаго союза, разумѣть одно только скотское плотоугодіе! Всѣ качества описываемой мною любви показываютъ, что она совсѣмъ не зависитъ отъ наслажденія чувственнаго, возносится превыше всякой чувственности, (1 Кор. XIII. 5, 7), *любитъ всё*, мудрствуетъ небесная, не измѣняется и въ самой вѣчности и есть отблескъ той вѣчной любви, которая воззвала насъ къ бытію и которая, послѣ того, какъ мы умерщвлены были грѣхомъ, воскресила насъ закланіемъ своей величайшей жертвы, принесенной на крестѣ. Если же кто всегда видѣлъ въ брачномъ союзѣ одно только животное дѣторожденіе, нисколько не отличающее чловѣка отъ прочихъ животныхъ, и всегда почиталъ его главнѣйшею, даже единственною цѣлію этого союза, тотъ никогда не простиралъ своего взора за тѣсный кругъ инстинкта животныхъ, никогда въ самомъ себѣ не испытывалъ того небеснаго, восхитительнаго чувства, когда мы, вознесясь превыше всего земнаго, усматриваемъ, даже въ чувственныхъ нашихъ наслажденіяхъ, единныя знаменія дѣйствій этого божественнаго духа, который владычествуетъ надъ сферою чувственности и который, открывая предъ очами нашими небо, ставитъ его цѣлію всѣхъ земныхъ нашихъ наклонностей, занятій и удовольствій. И просвѣщенный разумокъ увѣряетъ, и Евангеліе свидѣтельствуетъ, что всякое намѣреніе и всякое удовлетвореніе естественнымъ наклонностямъ, не имѣющее въ виду ничего инаго, кромѣ чувственности, есть грѣхъ, равняющійся, нѣкоторымъ образомъ, идолослуженію. Вотъ высшій смыслъ, который намъ открываетъ и которымъ руководствоваться совѣтуетъ Евангеліе, въ союзѣ супружества! *Мужіе*, говоритъ апостолъ Павелъ (Ефес. V. 25, 32), *любите своя жены, якоже и Христосъ возлюбилъ церковь, и себе предаде*

за ню. Тайна сія велика есть; аз же глаголю во Христа и во Церковь. И подлинно, великая тайна во Христа и во Церковь, есть то сліяніе сердець, какое бываетъ между двумя благонравными супругами,—нѣжное участіе одного лица во всѣмъ, относящемся до другого,—истинное доброжелательство, искреннее супружество, непоколебимая вѣрность во всѣхъ искушеніяхъ и несчастіяхъ,—все это—чистѣйшая и пламенная любовь, которая, жертвуя всѣмъ, не падить и самой себя, и которая не только въ самой холодной и глубокой старости, умерщвляющей всю способность къ дѣторожденію, обнаруживаетъ самую живѣйшую горячность, но не угасаетъ и по смерти,—это—священнѣйшее рвеніе вновь обрѣсти другъ друга въ лучшей жизни, и, подобно существамъ духовнымъ и святымъ, совершенно удаленнымъ отъ всякаго побужденія къ дѣторожденію, подобно ангеламъ божіимъ, любить и обнимать другъ друга вѣчно. Столь возвышенныя мысли и чувства въ состояніи супружества составляютъ такую тайну, о которой ни одинъ изъ чувственныхъ людей, ни одинъ изъ пресмыкающихся разумомъ и духомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Счастливъ я, что эту священную и превыше всякаго животнаго инстинкта восходящую любовь, извѣстную мнѣ прежде изъ ученія евангельскаго, нынѣ знаю изъ опыта. Одну добродѣтельную супругу похитила у меня смерть; а другую, еще при жизни ея, исторгла изъ моихъ объятій человѣческая злоба. Отъ обѣихъ я не могу уже ожидать ничего, лестнаго для чувственности, но вѣчная любовь соединила насъ не разрывнымъ союзомъ; я опять увижу ихъ, опять найду ихъ вѣрныхъ и любезнѣйшихъ спутницъ моего странствованія, опять обрящу ихъ въ той блаженнѣйшей жизни, гдѣ не буду болѣе опасаться никакой разлуки. Эту-то священную привязанность разумѣю я подъ именемъ любви, считая ее и первою и послѣднею цѣлью супружества! Что же касается до намѣренія рождать дѣтей, то оно не только не противно этому священному понятію о состояніи супружества, но еще совмѣщается съ нимъ, какъ слѣдствіе той же любви, какъ дѣйствіе, подчиненное той же высшей цѣли, отъ которой оно заимствуетъ свою возвышенность и получаетъ нѣкоторый отпечатокъ отъ той божественной любви, какая открыта намъ въ твореніи и искупленіи міра. На этомъ основаніи, я опредѣляю супружество слѣдующимъ образомъ (стр. 291). „Союзъ двухъ лицъ различнаго пола, сочетающихся другъ другу для наслажденія взаимною любовію, совмѣстною однакожъ и съ намѣреніемъ дѣторожденія, называется супружескимъ“. Изъ этого опредѣленія выведено слѣдующее положеніе (стр. 294). „Наслаждающіеся супружескою любовію не должны дѣлать ничего такого, что бы

могло препятствовать дѣторожденію“. А что рожденіе дѣтей не можетъ быть единственною и самою главною цѣлію супружества, это доказываю я, между прочимъ, изъ слѣдующихъ началъ (стр. 292, 293). „Дѣторожденіе въ состояніи супружества есть вообще нѣчто неизвѣстное и случайное, посему оно и не можетъ быть почитаемо первоначальною цѣлію супружества. Притомъ, если бы оно дѣйствительно было первоначальною цѣлію, то безъ нарушенія права естественнаго нельзя было бы вступать въ состояніе супружества ни одному изъ тѣхъ, кто не надѣется быть способнымъ къ дѣторожденію, а потому и супружества такого рода не были бы дозволяемы законами гражданскими, ибо они не могутъ дозволить ничего такого, что совершенно противно естественному праву. Погрѣшили бы противъ закона совѣсти и тѣ, которые находятся уже въ состояніи супружества и, не взирая на свой возрастъ, отымающій у нихъ всю надежду на дѣторожденіе, продолжаютъ пользоваться правами супружества. Должны бы воздерживаться отъ употребленія супружескихъ правъ и всѣ вообще супруги, какъ скоро замѣтили бы они вѣрные признаки зачатія младенца во утробѣ. Въ силу этихъ обстоятельствъ оказалась бы также крайняя запутанность въ двухъ, весьма важныхъ наукахъ, какъ то, — въ умозрительномъ правовѣденіи и естественной нравственности. Но ежели любовь принята будетъ за основаніе этого священнѣйшаго союза, то всѣ таковыя затрудненія удобно согласены будутъ со своимъ началомъ, ибо изъ него слѣдуетъ только то, что, при употребленіи правъ супружества, не надобно препятствовать способности дѣторожденія“.

Главная уловка, посредствомъ которой обвинитель старался меня и мою философію сдѣлать ненавистными, состояла въ томъ, что онъ огласилъ меня приверженцемъ *Шеллинговой философіи*. Но противъ этого я замѣчу: 1) то, что мой обвинитель, по мѣсторожденію французъ, не знаетъ ни одного нѣмецкаго слова и потому никогда не читалъ нѣмецкихъ философовъ, такъ что, если бы у него спросили, въ чемъ состоитъ Шеллингова философія, онъ бы былъ тотчасъ изобличенъ въ своемъ совершенномъ невѣденіи ея. Какимъ же образомъ могъ онъ утверждать, что мои сочиненія написаны по началамъ Шеллинговой философіи? 2) Шеллинга наиболѣе порицаютъ зато, что онъ, остановясь на одной только природѣ, обоготовилъ ее. Справедливо ли это обвиненіе, или нѣтъ, здѣсь не мѣсто разсуждать. Но если и предположимъ, что положеніе — *самая природа есть Богъ* — составляетъ духъ Шеллинговой философіи, то и тогда всякій, читающій мои сочиненія, на каждой страницѣ будетъ видѣть, что моя философія совершенно удалена отъ такового духа, и что собственный духъ ея есть только

тотъ, который стремится ниспровергнуть всѣ алтари этого злочестиваго и для всего человѣчества крайне опаснаго духа, равно какъ и его самого низринуть въ вѣчную ночь, откуда онъ и вышелъ. Нельзя выдумать никакой иной болѣе злобной клеветы, нежели та, которая приписала и поставила мнѣ въ порокъ совершенную противоположность моего образа мыслей, т. е. якобы бы я утверждалъ, что самая природа есть Богъ. Напротивъ, я увѣренъ, и на это имѣю въ моихъ сочиненіяхъ самыя ясныя доказательства, что не только моя философія, но и всѣ мои ученыя занятія единственно клонятся къ тому, дабы утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ не однѣ только истины естественнаго богослуженія, которыя нынѣ много ослаблены господствующею философіею, но и положительное (откровенное) христіанское ученіе подкрѣпить и объяснить такими доказательствами, которые заимствованы изъ всеобщихъ началъ разума и, будучи столько же вѣчны, какъ и самая вѣчность, представляли бы ученіе Иисуса Христа во всемъ его великолѣпіи, ясности и красотѣ, такъ чтобы каждый могъ видѣть все его достоинство, всю божественность, и, въ исполненіи его, свое собственное блаженство. Я совершенно увѣренъ, что мое величайшее благополучіе и моя высочайшая мудрость заключается въ томъ, чтобы во всемъ мірозданіи,—отъ персти до человѣка, во всѣхъ происшествіяхъ свѣта, во всей природѣ, въ искусствахъ, въ наукахъ умозрительныхъ, видѣть Бога и Христа Иисуса, Бога-Создателя и Искупителя, Бога—Источника вѣчной любви, открывающейся въ дѣйствіяхъ или творенія, или искупленія, видѣть такъ, что безъ Бога, яко Творца и Искупителя, всякое земное благополучіе было бы для меня не иное что, какъ несчастіе, всякая мудрость—буйство, всякая образованность—порча. Я внутренно увѣренъ, что евангеліе, которое я читаю ежедневно съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, объясняетъ мнѣ важнѣйшія человѣческія происшествія и даже тайны, сокрытыя отъ высочайшихъ духовъ, несравненно лучше представляетъ убѣжденія къ добру несравненно сильнѣйшія, и наконецъ успокаиваетъ и радуется гораздо сладостнѣе, нежели всѣ сочиненія философовъ. Я сердечно увѣренъ, что, при всѣхъ моихъ занятіяхъ и трудахъ, я не имѣю для себя ничего болѣе важнаго, какъ обязанность познавать ученіе Иисуса Христа, въ немъ же, какъ говоритъ апостолъ (Колосс. 11. 3) *суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна*, всегда съ большею ясностію и назидательностію, и обращать таковое спасительное познаніе не къ одному только усовершенствованію самого себя, но и распространять его между людьми изустно и письменно, со всевозможнѣйшею ревностію, дабы такимъ образомъ истребить отъ

лица всей земли, вмѣстѣ съ новою философіею возникшее язычество, и уничтожить всѣ пагубныя его послѣдствія. Я увѣренъ собственнымъ сознаніемъ, что я не только не стыжусь вносить евангелія и въ самую область философіи, но и велегласно исповѣдую, что крестъ Иисуса Христа есть единственная каѳедра, съ которой слышатся глаголы истинной мудрости.—Я увѣренъ самою совѣстію, что несчастіе, постигшее меня за имя Иисусово, не только не привело меня въ уныніе, но еще наполнило душу мою утѣшеніемъ и радостію, такъ что я готовъ теперь, если бы это было нужно, пожертвовать и самою жизнію за ученіе Иисусово. Вотъ духъ моей философіи, которую я всеусильно старался распространять въ Россіи какъ словесно, такъ и письменно! И если этотъ же самый духъ господствуетъ и въ Шеллинговой философіи, то, подлинно, ничего болѣе не остается желать, какъ только, чтобы весь свѣтъ присягнулъ въ преданности этому духу. Я не знаю, какъ самъ Шеллингъ думаетъ объ этихъ сверхъестественныхъ и высечувственныхъ священныхъ предметахъ, составляющихъ преимущественнѣйшее содержаніе моей философіи: знаю только то, какъ я о нихъ думаю, равно какъ и то, что можетъ узнать мои мысли объ этихъ предметахъ всякій, кто будетъ читать мои сочиненія. Признаюсь, что я заимствовалъ изъ сочиненій Лейбница, котораго почитаю глубочайшимъ философомъ и христіаниномъ, нѣкоторыя лучшія мысли, положенныя мною въ основаніе моей совершенно христіанской философіи. Воспользовался и Шеллингъ нѣкоторыми изъ этихъ же мыслей среди доказательствъ своей естественной философіи. Но эти доказательства были бы справедливы тогда только, когда бы самая система, подобно системѣ Лейбница, и нисходила, по своимъ началамъ, отъ Бога, и восходила бы паки, своею цѣлію, къ Богу. И потому система Шеллинга, какъ не выходящая изъ круга природы, не только не имѣетъ для меня никакихъ твердыхъ началъ, но еще ведетъ къ развращенію. Притомъ, предметъ моей философіи не есть природа, подлежащая чувствамъ человѣка, но та высшая сфера бытія, въ коей однимъ умозрѣніемъ разсматривается все то, что справедливо или несправедливо, добродѣтель или порокъ, достоинство или низость, заслуги или преступленіе, свобода или необходимость, также безсмертіе души, богослуженіе вообще, христіанское вѣроисповѣданіе, и все то, что относится къ высшему назначенію человѣка. Злонамѣренность и клевета издревле имѣли обыкновеніе называть какими нибудь ненавистными именами самыхъ благороднѣйшихъ и общеплезнѣйшихъ друзей истины, дабы, очернивъ ихъ такимъ образомъ, тѣмъ большую имѣть возможность ихъ преслѣдовать. Но при безпристрастномъ изысканіи истины,

не надобно смотрѣть на имена, но на самое дѣло, на истинность дѣла, на его назначеніе и цѣль. Не о томъ надобно спрашивать, *кто* утверждаетъ что либо, но *что* утверждаетъ кто либо? справедливо ли утверждаетъ и достойно ли особеннаго вниманія, полезно ли, необходимо ли для человѣчества то, что онъ утверждаетъ? Руководствуясь такими правилами, и я утверждаю многое, что утверждаетъ и Кантъ, такъ какъ я нахожу это справедливымъ, хотя, относительно главнаго предмета его философіи, равно какъ и ея основаній и цѣли, я весьма не согласенъ съ Кантомъ. Всякій, именующійся философомъ, между тѣмъ обучающій однимъ только заблужденіямъ, и, при изложеніи пагубныхъ своихъ заблужденій, выдаваемыхъ имъ за истину, очень рѣдко встрѣчающійся съ самою истиною, не только не можетъ быть названъ философомъ, но еще заслуживаетъ наименованія человѣка сумасброднаго. Сорокъ лѣтъ занимался я чтеніемъ древнихъ и новыхъ философовъ съ величайшимъ прилежаніемъ и часто, подъ дразгомъ самыхъ вздорныхъ и заразительныхъ мнѣній, находилъ я драгоценнѣйшіе бисеры истины, которыя и употреблялъ съ благодарностію для покрѣпленія или для украшенія моей системы.

И такъ, возможно ли, чтобы кто либо, по прочтеніи моего естественнаго права, могъ замѣтить во мнѣ намѣреніе обоготворить одну только природу? Доселѣ нѣтъ, можетъ быть, ни одной книги подобнаго содержанія, въ которой бы о Богѣ и вещахъ божественныхъ, говорено было съ вѣщою силою и возвышенностію, чѣмъ говорилъ я объ этихъ предметахъ въ моемъ естественномъ правѣ. Пусть найдется хотя одинъ человѣкъ, который бы, прочитавши, изъ числа многихъ иныхъ, покрайней мѣрѣ одно нижеслѣдующее мѣсто, могъ не быть совершенно увѣренъ въ томъ, что для меня нѣтъ ничего священнѣе, какъ обязанность богослуженія, и что вся моя философія, яко основанная на началахъ благочестія, дышетъ единымъ только благочестіемъ. Такъ изъясняюсь я на стран. 242. „По истинѣ, все люди имѣютъ врожденное понятіе о существѣ всесвятѣйшемъ и всесовершеннѣйшемъ, которое хотя видимъ мы, какъ бы въ нѣкоемъ зеркалѣ, во всемъ мірозданіи, но котораго самое лучшее начертаніе и образъ есть человѣкъ. Оно управляетъ всѣмъ, что есть или бываетъ, располагая все вообще по своимъ благодѣтельнѣйшимъ намѣреніямъ и обращая все къ концу. Изъ таковаго о немъ понятія выводится благонадежность всякаго человѣческаго достоинства и благополучія; изъ него же несомнѣнность совершенной свободы, съ какою дѣйствуетъ воля и разумъ; изъ него же—самыя твердыя основанія всякой истины, добродѣтели и справедливости; изъ него же—убѣдительность и удостовѣреніе въ

высочайшемъ предназначеніи и вообще во всемъ, относящемся къ высшей природѣ; изъ него же—столь утѣшительное въ счастіи и несчастіи, столь вождельное и вѣрное, столь радостное и восхитительное упованіе безсмертія; изъ него же—неотдѣлимость добродѣтели отъ соотвѣтственнаго ей благополучія, и увѣренность въ совершеннѣйшемъ правосудіи міроправителя; изъ него же—божественная сила совѣсти, спокойствіе мысли, постоянство духа, не возмущаемаго никакими бѣдствіями, никакою неожиданностію приключеній, изъ него же равнодушіе къ смерти и небреженіе о всѣхъ отдѣльныхъ вещахъ; изъ него же—и сладчайшее веселіе и превыспренность, ощущаемыя при созерцаніи міра, ибо въ то время, какъ скоро представится намъ понятіе о существѣ всесвятѣйшемъ, премудрѣйшемъ, всещедромъ, всемогущемъ, и озаритъ своимъ сіяніемъ, подобно солнцу, все мірозданіе,—въ то же самое время, безконечная ночь начинается превращаться въ день, смѣшеніе въ порядокъ, смерть въ жизнь, вещество въ духъ, вмѣстилище ада въ жилище неба и всеобщее разногласіе въ гармоническое общество. Слѣдовательно, всякій человѣкъ имѣетъ полное и никакими гражданскими законами, никакою тираническою властію не нарушимое право—безпрерывно углубляться въ созерцаніе такого понятія, взирать на него, какъ на общее начало и конецъ всѣхъ размышленій, усилій, желаній, намѣреній, дѣйствій; свободно и предъ всѣми объ этомъ бесѣдовать и выражать свои мысли чувственными знаками. Всѣ добродѣтельнѣйшіе и ревностнѣйшіе исповѣдники не только претерпѣвали несчастія всякаго рода, но жертвовали и самую жизнь со всею готовностію, для защиты этого священнѣйшаго права. Ибо, такъ называемая, жизнь безъ Бога есть смерть. Или надобно совсѣмъ не жить, или жить только въ Богѣ. Смерть за Бога есть истинная жизнь“.

А что не богослуженіе только вообще, но и богослуженіе христіанское составляетъ духъ моей философіи, доказательствомъ этого служить вся моя книга. Всякій, кто только читалъ ее, могъ замѣтить этотъ священный духъ богослуженія Іисусова, даже въ самомъ ея началѣ, гдѣ между прочимъ сказано. „Поклоняясь божественной мудрости, изложенной въ священныхъ книгахъ ветхаго и особенно новаго завета, я почитаю всякую философію ученіемъ ложнымъ и пагубнымъ и, слѣдовательно, отвергаю ее, если только она утверждаетъ что либо противное тѣмъ истинамъ, которыя служатъ основаніемъ всякаго человѣческаго достоинства и благополучія и которыя проповѣдуются богослуженіемъ Іисусовымъ въ образѣ нѣкой величественной простоты, приспособленной къ понятію всѣхъ и cadaго. И сіи—то столь священные, столь необходимыя, столь спасительныя истины я желалъ и

желаю въ моихъ философскихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже и изданы и нѣкоторые готовятся еще къ изданію, подкрѣпить такими доказательствами, которыя бы ни насиліемъ времени, ни перемѣнчивостію человѣческихъ мыслей, ни безразсудностію блуждающаго разума, ни благовидностію ложной философіи, ни необузданностію своевольной жизни, не могли быть никогда ни опровергнуты, ни ослаблены; и сей-то, предпринятый мною трудъ, эти самыя занятія я почитаю утѣшительными для моей старости и славными для остатка моей жизни!“

Желалъ бы я, чтобы столь отличнѣйшій, по своему благочестію, министръ народнаго просвѣщенія или самъ прочиталъ мое сочиненіе о естественномъ правѣ, или приказалъ бы наистрожайше разсмотрѣть его мужамъ ученымъ и праводушнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, тогда увидѣлъ бы, что графъ Потоцкій и его любимецъ Дегуровъ обманули его самымъ недостойнѣйшимъ образомъ, увидѣлъ бы, что и всѣ прочіе обвинительные пункты заключаютъ въ себѣ столь же явную клевету, какъ и тѣ, о которыхъ упоминаемо было доселѣ; увидѣлъ бы, что книга эта вмѣщаетъ въ себѣ все то, что сообразно съ его собственными правилами, съ его благочестивыми, общепольными и патріотическими намѣреніями; увидѣлъ бы, что состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи точно соответствовало бы его желанію, если бы всѣ, находящіеся въ Россіи учителя имѣли тѣ же самыя мысли, тѣ же чувствованія, каковыя изложены въ моемъ естественномъ правѣ; покойный митрополитъ Амвросій, мужъ отличнаго образованія, благоразумія, добродѣтели и ревности къ христіанскому вѣроисповѣданію, не безъ причины принялъ мои сочиненія съ особенною благосклонностію, такъ что, при закупкѣ значительнаго количества экземпляровъ для раздачи ихъ російскому духовенству, купилъ, между прочими, 20-ть экземпляровъ моего естественнаго права. Сколь бы я былъ счастливъ, если бы Его Императорскому Величеству сообщено было удовлетворительное и обстоятельное свѣдѣніе о точномъ содержаніи книги! Я не опасаюсь никакого изслѣдованія безпристрастныхъ и ученыхъ любителей истины. Чѣмъ оно будетъ строже, тѣмъ оно для меня выгоднѣе. Съ этою книгою готовъ я предстать не только предъ судилище цѣлаго свѣта, но и предъ самаго судію міра, отъ котораго не можетъ укрыться никакое злоупотребленіе, никакая клевета. Я осужденъ безъ выслушанія моихъ оправданій, по одному только доносу профессора Дегурова, и вслѣдствіе присовокупленнаго графомъ Потоцкимъ увѣрительнаго отзыва касательно основательности доноса. Но если бы и нынѣ дозволено было мнѣ принести мои оправданія и для

выслушанія ихъ приказано было бы вызвать меня въ Петербургъ, я бы и нынѣ могъ доказать, что всѣ пункты, каковыя представлены въ обвиненіе моего естественнаго права, или совершенно ложны, или ложны, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, въ каковомъ они приняты. Я бы доказалъ и то, что все воздвигнутое противъ меня гоненіе есть слѣдствіе одной только французской интриги.

Вторая книга, на которую тотъ же человѣкъ и такую же написалъ клевету, издана подъ заглавіемъ „*De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum*“ (о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима отъ Ромула до Августа). Изданіе этой книги поручено мнѣ было Харьковскимъ университетскимъ совѣтомъ для употребленія ея по гимназіямъ. Поводомъ къ этому было нижеслѣдующее обстоятельство. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, предписалъ университету, чтобы онъ постарался объ изданіи латинскихъ классическихкихъ писателей, для употребленія ихъ по университетамъ и гимназіямъ Россійской имперіи. Университетскій совѣтъ имѣлъ уже особенное довѣріе къ моимъ свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ и словесности, какъ извѣстнымъ ему изъ различныхъ прежнихъ случаевъ, почему и поручилъ мнѣ заняться этимъ весьма важнымъ, многотруднымъ и общепользнымъ дѣломъ. Классическихкихъ писателей надобно было издать въ такомъ видѣ, чтобы изданіе соотвѣтствовало потребностямъ учащихся и учащихся въ Россіи и, слѣдовательно, заключало бы въ себѣ приличныя объясненія трудныхъ и темныхъ мѣстъ. Я принялъ на себя это дѣло изъ одного только патріотическаго и отъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ удаленнаго намѣренія, донесши совѣту, что за свой трудъ не желаю никакого почетнаго вознагражденія, дабы изданіе латинскихъ классиковъ могло продаваться, сколько возможно, дешевле, а такимъ образомъ и обученіе латинскому языку, столь необходимому для образованія въ наукахъ, производимо было бы тѣмъ съ большимъ удобствомъ и пользою. Если бы я пожелалъ за этотъ трудъ обычнаго въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ вознагражденія, каковое получалъ и мой предмѣстникъ по латинской словесности, проф. Роммель, за изданныя имъ книги, то предоставлено было бы въ мою пользу полное изданіе классическихкихъ писателей, цѣною до 20.000 р. Но я хотѣлъ пожертвовать этою значительною суммою пользѣ народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ благодѣтельнымъ намѣреніемъ Его Императорскаго Величества. Я предположилъ начать этотъ трудъ изданіемъ книги, подъ заглавіемъ „*О славнѣйшихъ гражданахъ города Рима, отъ Ромула до Августа*“, сочиненной Авреліемъ Викторомъ. Та же самая книга издана уже была нѣкимъ французомъ, по имени Ломондомъ,

но въ видѣ самомъ краткомъ, величиною почти въ четыре листа въ четверку, и притомъ съ различными извлеченіями подлиннаго текста. По этой причинѣ я пользовался не однимъ только изданіемъ Ломонда, но и сочиненіемъ Виктора Аврелія, соображаясь вездѣ съ моею цѣлію, принаровленною къ потребностямъ россійскихъ гимназій. При составленіи книги, имѣлъ я троякую цѣль: 1) представить ее въ видѣ латинской хрестоматіи, для употребленія по гимназіямъ. Дабы достигнуть этой цѣли, я долженъ былъ распространить изданіе Ломонда, что и сдѣлалъ, пополнивши его извлеченіемъ лучшихъ мѣстъ, взятыхъ изъ различныхъ классическихъ писателей, ибо изъ книги, величиною въ 4 только листа, нельзя было дѣтямъ научиться латинскому языку такъ, чтобы они сами, послѣ этого могли изъяснять сочиненія латинскихъ классиковъ. Изданіе увеличилъ я до 16 листовъ, помѣстивши въ немъ самыя значительныя и достопримѣчательныя черты, коими отличались славнѣйшіе изъ Римскихъ гражданъ, жившихъ отъ времени Ромула до Августа. Хрестоматія такой величины достаточна была для сообщенія обучающемуся по гимназіямъ россійскому юношеству приговорительныхъ свѣдѣній въ латинскомъ языкѣ, и была не только назидательна, но и недорога; 2) старался я расположить самую хрестоматію такъ, чтобы она была сокращеніемъ Римской исторіи, и юношество могло бы въ одно и то же время не только обучаться латинскому языку, но и замѣчать въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія Римскія происшествія, такъ какъ они имѣли весьма большое вліяніе на судьбу прочихъ народовъ и состояніе всего образованнаго свѣта. Для достиженія этой цѣли, надобно было присовокупить различныя объясненія, относящіяся къ Римскимъ древностямъ, нравамъ, обыкновениямъ и законамъ, каковыя и присовокуплены были мною съ соблюденіемъ надлежащей краткости. Но такъ какъ не только моя философія, но и всѣ ученыя мои занятія клонились къ распространенію благочестія и добродѣтели, такъ что безъ нихъ, по моей совершеннѣйшей въ семъ увѣренности, всякое образованіе должно быть почитаемо занятіемъ не только бесполезнымъ но даже вреднымъ, то я всего болѣе старался 3) о томъ, чтобы, при обученіи латинскому языку, возбуждаемы были, въ сердцахъ россійскаго юношества, ощущенія благородныя, патріотическія, нравственныя и благочестивыя, и такимъ образомъ самая сухость занятія мертвымъ языкомъ обращалась бы въ упражненіе привлекательное, назидательное и снательное. Для достиженія этой цѣли, извлекалъ я изъ лучшихъ классиковъ примѣры самыхъ изящныхъ, самыхъ высокихъ и самыхъ героическихъ добродѣтелей древнихъ Римлянъ, полагая, что посредствомъ ихъ воспламеня-

емы будутъ въ сердцахъ россійскаго юношества, даже при первоначальномъ обученіи латинскому языку, самыя благородныя чувства. Планъ этотъ, по истинѣ, достойный всякаго одобренія, представленъ былъ мною, предъ самымъ изданіемъ сочиненія, университетскому совѣту и былъ имъ одобренъ во всѣхъ частяхъ. Я помѣстилъ его и въ предисловіи, но здѣсь приведу изъ него только тѣ мѣста, которыя относятся къ примѣрамъ добродѣтели.....

Вотъ мое самое искреннее, общепользное и священное намѣреніе, которымъ я руководствовался при составленіи этой книги, котораго я достигалъ во всѣхъ ея отдѣльныхъ частяхъ и которое клонилось къ тому только, чтобы воспламенить въ юныхъ и неповрежденныхъ сердцахъ россійскаго юношества любовь къ добродѣтели. Въ дѣйствительности такого намѣренія можетъ быть удостовѣренъ всякій, кто только знаетъ латинскій языкъ и прочтетъ со вниманіемъ мою книгу. Между тѣмъ, это же самое намѣреніе принято профессоромъ Дегуровымъ и его благотворителемъ графомъ Потоцкимъ за такое преступленіе, которое стоило примѣрнаго наказанія и которое требовало, чтобы я не только отрѣшенъ былъ отъ должности и выгнанъ изъ Россіи, но чтобы и самая книга сожжена была всенародно. И это исполнено было на самомъ дѣлѣ, ибо въ 1817 году, т. е. годъ спустя послѣ того, какъ я высланъ былъ изъ Россіи, все изданіе этого сочиненія, къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ и къ удовольствію прочихъ зрителей, публично сожжено было въ Ботаническомъ саду Харьковскаго университета. Впрочемъ и обвинителямъ моей книги крайне нужно было истребить всѣ экземпляры ея, дабы послѣ нельзя было ихъ подвергнуть отвѣтственности и наказанію, по содержанію гнусной ихъ клеветы. Но они обманулись въ своемъ предположеніи, ибо не всѣ еще экземпляры этого сочиненія истреблены. Одинъ изъ нихъ находится у Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая, получивши свѣдѣніе о достоинствѣ этой книги отъ мужей благонамѣренныхъ и ученыхъ, всемилостивѣйше пожаловала мнѣ, какъ за самую эту книгу, такъ и за прочія мои сочиненія, еще въ бытность мою въ Харьковѣ, и при томъ въ то самое время, какъ я былъ оклеветанъ моими обвинителями, драгоценную табакерку съ изображеніемъ августѣйшей фамиліи, препроводивъ ее при письмѣ, въ которомъ сказано было, что эти, много изданныя книги, т. е. естественное право, логика, книга о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима и рѣчь о возстановленіи свободы въ Европѣ превосходныя произведенія, для просвѣщенія народнаго весьма полезныя, и вообще сочиненія такого рода, которыя, идъ только они ни будутъ читаны,

вездѣ будутъ распространителями моей славы. Этотъ драгоценнѣйшій даръ и отзывъ Ея Императорскаго Величества всегда будутъ утѣшать меня въ моемъ несчастіи, въ которое низверженъ я клеветою безпримѣрною. Есть одинъ экземпляръ той же книги у ея сиятельства графа Стурдзы, которому поднесенъ мною, въ бытность его въ Веймарѣ. Представленъ одинъ же экземпляръ Его Высочеству, Великому Герцогу Веймарскому для доказательства моей невинности. Наконецъ, остался и у меня одинъ экземпляръ, который для своего оправданія могу сообщить всякому, въ доказательство дерзкаго и безчиннаго поступка Дегурова противъ россійскаго правительства. Даже первый пунктъ учиненнаго противъ этой книги обвиненія — клевета, ибо имъ вмѣняется мнѣ въ преступленіе, что будто бы, при изданіи книги, обойдена была цензура. Дѣло происходило такимъ образомъ. Приступая къ изданію своей книги, я просилъ университетское правленіе подвергнуть ее цензурѣ, но оно въ этомъ мнѣ отказало, по той причинѣ, что правилами о цензурѣ, объясненными въ уставѣ Харьковскаго университета, постановлено между прочимъ относительно книгъ, издаваемыхъ при этомъ университетѣ, чтобъ *тѣ сочиненія, которыя поручаетъ составить какому либо профессору университетскій совѣтъ, не были подвергаемы цензурѣ.* А такъ какъ сочиненіе и изданіе этой книги производимы были по порученію совѣта, то и въ дозволѣніи отдать ее на разсмотрѣніе цензора мнѣ было отказано. Притомъ, латинскіе классики издавались по предписанію самого министра, графа Разумовскаго, и такъ какъ изданная по этому предписанію книга заключала въ себѣ не иное что, какъ одно только извлеченіе изъ самыхъ лучшихъ и по всѣмъ гимназіямъ употребляемыхъ писателей, то какимъ же образомъ можно было Дегурову, не изобличая самого себя въ явной клеветѣ, обвинять меня въ томъ, что эта книга вышла, безъ разсмотрѣнія цензуры? Такое обвиненіе тѣмъ болѣе странно, что Дегуровъ въ то время, какъ писалъ это обвиненіе, самъ былъ членомъ университетскаго цензурнаго комитета и потому не могъ не знать всего того, что сказано въ университетскихъ правилахъ, по предмету цензуры. Изъ этого явствуетъ, что его обвиненіе основано было на одномъ только желаніи оклеветать, на одномъ его намѣреніи причинить мнѣ вредъ, вопреки очевидной ясности постановленій.

Но болѣе всего обвиняется въ этой книгѣ то, что должно обратить на себя особенное вниманіе и одобреніе всякаго любителя добродѣтели, т. е. обвиняются въ ней самые примѣры отличныхъ добродѣтелей, избранные мною изъ классическихъ писателей и расположенные какъ бы въ нѣкоемъ галлерейномъ порядкѣ. Между образцами

героическихъ добродѣтелей древнихъ Римлянъ и Римлянокъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два примѣра—Лукреція и Виргинія, въ отношеніи къ цѣломудрію. Ни одинъ писатель не имѣлъ такого искусства—представлять добродѣтель въ ея прелестнѣйшемъ, а порокъ въ его омерзительнѣйшемъ видѣ, каковымъ обладалъ Ливій. Онъ доказалъ свою способность и знаніе особенно тамъ, гдѣ описываетъ героическій духъ Лукреціи и Виргиніи, защищающихъ изящнѣйшую изъ добродѣтелей своего пола,—собственное ихъ цѣломудріе. А такъ какъ такія описанія преимущественно способствуютъ къ возвышенію юныхъ сердецъ, то я и внесъ въ свою книгу эти примѣры цѣломудрія, Лукрецію и Виргинію, точно тѣми же словами, каковыми изобразило ихъ цѣломудренное краснорѣчіе Ливія и каковыми онѣ описаны въ другихъ латинскихъ хрестоматіяхъ. Эта выписка показала профессору Дегурову великимъ преступленіемъ, ибо она, по словамъ его, служитъ соблазномъ для юношества. Но каждый здравомыслящій другъ добродѣтели и юношества знаетъ и увѣренъ въ томъ, что повѣствованія тогда только обращаются въ претыканіе и соблазнъ, когда порокъ представляется въ нихъ въ видѣ привлекательномъ, какъ это дѣлается большею частію въ романахъ, а не тогда, когда юношество предостерегается отъ него, съ выраженіемъ важности и строгости, и когда самое преступленіе описывается съ омерзеніемъ, потрясающимъ чувство и самого развратнѣйшаго сластолюбца. Оба Ливіевы описанія превосходны и возбуждаютъ крайнее омерзеніе къ преступленію. Если же предположимъ, что, для предостереженія юношества отъ нѣкоторыхъ пороковъ, какъ, напр., отъ порока любострастія, лучше бы ему объ нихъ совсѣмъ не напоминать, то, по этому предположенію, слѣдовало бы прежде сдѣлать людей совершенно иными, нежели каковы они нынѣ; надобно бы было уничтожить ихъ врожденную склонность ко грѣху и слѣдовательно оставить ихъ въ первобытномъ состояніи невинности. Но такъ какъ опытъ доказываетъ, что пламень нѣкоторыхъ страстей сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ въ юношескихъ сердцахъ и что опасность развращенія и нравственной гибели тогда бываетъ къ нимъ крайне близка, то благоразуміе и любовь къ человѣчеству обязываютъ cadaго, а особенно образователей юношества, чтобы они въ тѣ года, въ которые обыкновенно начинается этотъ опасный пламень, показывали юношеству бездну, въ какую она можетъ низринуться, если только не будетъ заранѣе стараться владычествовать надъ своими страстями, а особенно надъ своими страстными пожеланіями, возникающими изъ побужденія пола. Всѣмъ извѣстно изъ опыта, что юношество ни къ какому иному пороку не имѣетъ такой

наклонности, какъ къ пороку любострастія, и, если не предостережено бываетъ заблаговременно, то, впадая въ него, большею частію, по незнанію и недостатку благовременной предосторожности, развращается отъ пагубнаго навыка до такой степени, что, при всѣхъ въ послѣдствіи дѣлаемыхъ ему увѣщаніяхъ, никакъ не можетъ освободиться отъ своего любострастнаго плѣна и рабства. Знаменитый воспитатель юношества *Кампе*, тридцать лѣтъ тому назадъ, предлагалъ всѣмъ, занимавшимся въ Германіи воспитаніемъ юношества, съ общаніемъ въ вознагражденіе 100 червонныхъ, написать такое разсужденіе, въ которомъ бы показана была главнѣйшая причина господствующихъ юношескихъ пороковъ и вмѣстѣ изложены были бы надежнѣйшія средства противъ нихъ. Единогласный по этому предмету отзывъ опытнѣйшихъ воспитателей состоялъ въ томъ, что самая главная причина юношескихъ пороковъ есть ихъ невѣденіе и что самое надежнѣйшее и необходимѣйшее средство противъ нихъ есть благоразумное предъувѣдомленіе и увѣщательное объясненіе пагубныхъ послѣдствій изъ нихъ проистекающихъ. При точнѣйшемъ изслѣдованіи найдено, что всѣ вообще училища, учрежденныя для дѣтей какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, заражены были порокомъ любострастія, и что эта нравственная зараза вошла въ нихъ стезею незнанія. Россія, какъ мнѣ кажется, должна преимущественно опасаться подобной заразы, по причинѣ существующаго въ ней крѣпостнаго состоянія крестьянъ, при которомъ молодой сластолюбецъ не подвергается никакой отвѣтственности, хотя бы онъ и сдѣлалъ злоупотребленіе изъ женщины не свободнаго состоянія. Отсель происходятъ тысячи развратныхъ поступковъ, поощряемыхъ и самою безнаказанностію, каковыя однакожъ въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ соединенныхъ съ выполненіемъ ихъ большихъ трудностей, или совсѣмъ не имѣютъ мѣста, или, по крайней мѣрѣ, не столь бываютъ опасны. Если же предположимъ, что русское юношество ни подъ какимъ видомъ не должно быть предостерегаемо отъ порока любострастія, даже посредствомъ тѣхъ поразительнѣйшихъ картинъ, каковыя начертаны Ливіемъ, при описаніи героическихъ поступковъ Лукреціи и Виргиніи, то по этому же предположенію должны быть изгнаны изъ Россіи самые лучшіе и вмѣстѣ цѣломудреннѣйшіе классическіе писатели, каковы, напримѣръ, Цицеронъ, Саллюстій, Корнелій Непотъ и Ливій. Ибо Цицеронъ въ своихъ прекрасныхъ рѣчахъ, употребляемыхъ по всѣмъ гимназіямъ, указываетъ на нѣкоторые гнусные поступки любострастія, хотя и описываетъ ихъ, какъ мужъ, исполненный пламенной любви къ добродѣтели, съ величайшимъ отвращеніемъ и предастъ ихъ вѣчному про-

клятію; Саллюстій, описывая нравственность изверговъ Римскаго племени, особенно въ отношеніи къ пороку любострастія, изображаетъ ее также въ отвратительномъ и гнусномъ видѣ; подобнымъ образомъ изъясняется и Корнелій Непотъ въ своихъ жизнеописаніяхъ, гдѣ онъ, повѣствуя о греческихъ военачальникахъ и герояхъ, упоминаетъ о нѣкоторомъ, совершенно противуестественномъ, хотя между греками, не исключая даже и самыхъ образованнѣйшихъ, весьма обыкновенномъ пороку. Таковыми же описаніями наполнены и сочиненія Тацита, который, въ правленіе первыхъ кесарей, былъ открытымъ гонителемъ и яростнымъ бичомъ порока. Да и священное писаніе надлежало бы также изгнать изъ Россіи, если бы въ ней признаваемы были за преступленіе такія дѣйствія, коими предупреждается неистовое стремленіе къ любострастію, ибо и въ Новомъ Завѣтѣ упоминается о самыхъ постыднѣйшихъ видахъ любострастія, какъ слѣдствіяхъ сердечной срамоты, которая есть мерзость предъ Господомъ и которая исключаетъ всякаго (Римл. 1. 26—29. 1. Кор. V. 1. VI. 9, 10) изъ наслѣдія небснаго. Особенно часто упоминается о таковыхъ поступкахъ въ различныхъ посланіяхъ апостола Павла, наиболѣе же въ посланіи къ Римлянамъ. Между тѣмъ, мѣста эти, дабы предотвратить юношество отъ самого преступленія, помѣщены въ катехизисахъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и даже задаются дѣтямъ для выучиванія наизусть. По тому же предположенію, надлежало бы и изъ самого Десятословія, при обученіи дѣтей закону, исключить эти два запрещенія: не любодѣйствуй, не прелюбы сотвори. Исход. XX. 13. Вотъ какъ обширна, по своимъ послѣдствіямъ, жалоба француза, обвиняющаго эти прекраснѣйшія произведенія Ливіева пера, помѣщенные въ моей хрестоматіи! Я почитаю заразою свѣта, изшедшею изъ Франціи, и то правоученіе, которымъ совѣтуется совѣтъ не касаться порока любострастія и не дѣлать никакихъ предварительныхъ увѣщаній противъ него, якобы по причинѣ деликатности и раздражительности этого предмета, хотя сами совѣтующіе не только не почитаютъ за долгъ стыдиться своего собственнаго любострастія, но еще причисляютъ распутство этого рода къ состоянію утонченной свѣтскости, къ просвѣщенному образу мыслей, къ поведенію удаленному отъ предразсудковъ, и даже къ предметамъ изящества и щегольства. Сама госпожа Сталь говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что мужчины, хотя бы и имѣли право отступать отъ законовъ брака, но этого не должны бы дѣлать, но крайней мѣрѣ, изъ великодушія. Дай Богъ, чтобъ Россія никогда не имѣла подобныхъ правилъ и чтобъ нѣкогда дарованы были ей такіе правоучители, которые бы, воспламенены будучи любовію къ

добродѣтели, особенно къ добродѣтели цѣломудрія, вооружились всѣмъ краснорѣчіемъ Ливія противъ такого порока, который, коль скоро сдѣлался господствующимъ въ какомъ либо народѣ, истребляетъ всякое благородное чувство, и, рано или поздно, низвергаетъ все государство въ бездну разврата. Я могу похвалиться тѣмъ, что, за свою ревность и попеченіе о распространеніи цѣломудрія въ Россіи, былъ нѣкогда оклеветанъ французомъ. Чистота моего намѣренія, безъ сомнѣнія, будетъ оправдана и вознаграждена Іисусомъ Христомъ, Покровителемъ юншества. И потому ничего инаго болѣе не желаю, какъ только того чтобы слова и выраженія Ливія, коими онъ изображаетъ любострастіе въ отвратительнѣйшемъ видѣ, неизгладимо начертаны были въ сердцѣ каждого Россійскаго юноши.

Другая причина, побудившая меня внести эти мѣста въ мою Латинскую хрестоматію, была нижеслѣдующая. Хрестоматія должна была быть вмѣстѣ и краткимъ начертаніемъ Римской Исторіи. Но Лукреція и Виргинія, будучи образцами героическаго цѣломудрія, были вмѣстѣ съ тѣмъ и такими лицами, на коихъ утверждалось зданіе римской республики и продолженіе дальнѣйшей римской исторіи, ибо этимъ только происшествіями можно объяснить, какимъ образомъ Римъ, бывшій съ самаго начала подъ монархическимъ правленіемъ, обратился потомъ въ республику, и какимъ образомъ въ послѣдствіи удержалъ онъ свое республиканское же состояніе. Все могущество и величіе Рима, обладавшаго цѣлымъ свѣтомъ, основано было на добродѣтели цѣломудрія и продолжалось до тѣхъ только поръ, пока эта священная добродѣтель не изгнана была изъ нравственности Римлянъ противоположнымъ порокомъ. Цѣломудріе есть мать всякаго величія, блага, изящества и славы какого бы то ни было народа; оно есть источникъ всякаго народнаго благополучія. Это доказываетъ римская исторія примѣрами Лукреціи и Виргиніи, на которыхъ основано было величіе Рима, и по сей-то причинѣ эти происшествія никакъ не могли быть выпущены изъ исторіи Рима. Дегуровъ былъ профессоромъ исторіи при Харьковскомъ университетѣ; но если онъ могъ мнѣ вмѣнить въ преступленіе то, что я помѣстилъ эти происшествія въ книгѣ, долженствовавшей быть краткимъ начертаніемъ Римской Имперіи, то и одно это обстоятельство довольно показываетъ, на сколько онъ былъ неспособенъ къ упомянутой училищной должности. Да и можно ли ожидать, чтобы бывшій во время революціи Парижскій книгопродавецъ могъ имѣть надлежащее понятіе о духѣ, въ какомъ должна быть преподаваема исторія.

Самая главнѣйшая причина, по которой моя книга о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима сдѣлалась ненавистною Дегурову, заключается въ замѣчаніи, сдѣланномъ мною относительно великаго, обожаемаго имъ Наполеона. Дегуровъ, въ надеждѣ своей на покровительство графа Потоцкаго, дерзнулъ жаловаться и на это замѣчаніе. Оно сдѣлано по поводу нижеслѣдующаго текста. Въ текстѣ книги, взятомъ изъ Ливія, предварительно описываются добродѣтели Аннибала; а за симъ описаніемъ, сочинитель, продолжая далѣе говорить: „Но и пороки его были столько же велики, какъ и его добродѣтели: его жестокость была безчеловѣчная; вѣроломство болѣе, нежели пуническое; онъ чуждъ былъ всякой истины, чуждъ всего священнаго; не имѣлъ ни малѣйшаго благоговѣнія къ богамъ, ни малѣйшаго уваженія къ клятвѣ, ни малѣйшаго вниманія къ закону богослуженія“. Въ моемъ замѣчаніи на это мѣсто сказано такъ (стр. 91). „Кто не вспомнить здѣсь о Наполеонѣ и народѣ французскомъ? Въ наше время, самое величайшее вѣроломство, по справедливости, можно называть вѣроломствомъ *французскимъ*“. Другое замѣчаніе, равно ненавистное для поклонниковъ Наполеона, помѣщено на стр. 96, гдѣ сказано: „Такимъ же благоразуміемъ (каковымъ и Фабій Максимъ Кунктаторъ), постоянствомъ и мужествомъ, побѣдилъ знаменитѣйшій Фабій Кунктаторъ нашего времени (Кутузовъ) Аннибала *Корсиканскаго*, это бранное чудовище, скрывавшееся между развалинами Москвы и наконецъ, изъ его ущелій, вызванное на открытое поле брани“.

И другая, подобная книга, изданная мною также по порученію Харьковскаго университетскаго совѣта, для употребленія ея по университетамъ и гимназіямъ, т. е. моя *нѣмецкая хрестоматія*, вышедшая въ свѣтъ въ 1813 году, сдѣлалась крайне ненавистною графу Потоцкому и его любимцамъ, по той же самой причинѣ, именно по причинѣ моей патріотической приверженности къ Россіи. Въ самомъ предисловіи встрѣчается нижеслѣдующее для всѣхъ имъ подобныхъ крайне непріятное мѣсто: „По нынѣшнимъ обстоятельствамъ, преимущественно совѣтуется россійскому юношеству заниматься изученіемъ нѣмецкаго языка и словесности, ибо отъ счастливыхъ успѣховъ россійскаго оружія можно ожидать, что Россія, по совершеніи своего безсмертнаго дѣла, достойнаго подвиговъ великаго народа, т. е. по освобожденіи всей Европы отъ угрожавшей ей гибели, и по доставленіи ей прочнаго мира, будетъ поддерживать свою тѣснѣйшую связь съ могущественнѣйшими государями Германіи, ея нынѣшними союзниками, и соучастниками благороднѣйшей брани, увѣнчанной и самою побѣдою,—будетъ поддерживать съ тѣмъ, чтобы этого, изъ чрева мерзостей фран-

цузской революціи, на пагубу людей изверженнаго генія, погрузить навсегда во мракахъ древней ночи, или, по крайней мѣрѣ, принудить его къ тому, чтобъ онъ круговращалъ свой блѣдный пламенный вѣхъ однихъ только предѣлахъ собственной отчизны и свирѣпствовалъ бы надъ одною только, произведшею его на свѣтъ, утробою. Соображеніе таковыхъ обстоятельствъ дѣлаетъ нѣмецкій языкъ необходимымъ для всякаго образованнаго россіянина, желающаго быть полезнымъ не только своему отечеству, но и содѣйствовать къ сохраненію общаго блага Европы“. Въ этой хрестоматіи помѣщены еще двѣ рѣчи, которыми также раздражалась ненависть и мщеніе моихъ гонителей: одна изъ этихъ рѣчей сочинена мною противъ французской революціи, а другая Раупакомъ противъ Наполеона. Обѣ написаны съ жаромъ и обнаруживаютъ благороднѣйшее негодованіе и отвращеніе, приличныя предмету каждой. Я приведу здѣсь одно только мѣсто изъ приступа второй рѣчи. „Тираннъ уже не далекъ отъ своей цѣли, отъ своей гибели, каковую онъ заслуживаетъ: его глава уже склонится долу, подобно вершинѣ древа, которое сильная буря порываетъ къ паденію, но котораго корень еще не исторгнуть изъ животворнаго нѣдра земли. Такъ, любезные собратія, вашъ злобный притѣснитель уже находится близъ самаго жерла уничтоженія; еще ударъ,—и онъ низверженъ: и вы доселѣ въ бездѣйствіи, народы утѣсненные?! Вашъ кровопійца, пронзенный собственнымъ оружіемъ, уже издыхаетъ отъ смертнаго удара, и вы, будучи друзьями жертвъ, закланныхъ его рукою, будучи сами жертвами, обреченными на такое же закланіе,—вы доселѣ остаетесь въ бездѣйствіи? Непомѣрная гордость ослѣпила его до такой степени, что онъ предпринялъ дѣло, котораго не былъ въ состояніи выполнить; онъ отважился свое кровожадное счастье на игру безразсудную, сдѣлалъ выходъ—и игра потеряна; и вы, не взирая на все это, доселѣ остаетесь въ бездѣйствіи, доселѣ смотрите отверзтыми очами лунатика, совсѣмъ не види, что часъ спасенія вашего уже сотрясаетъ слухъ вашъ? Его могущество въ безсиліи; поля російскія покрыты трупами его соратаевъ; болота и рѣки поглотили его артиллерію; и еще ли между Рейномъ и Одеромъ развѣваются знамена французскія, еще ли между Рейномъ и Одеромъ остаются воззванія, призывающія ко брани не за восстановление свободы? Тираннъ исторгнулся изъ предѣловъ Россіи, подобно хищнику, гонимому своими преслѣдователями—и вы, народы германскіе, еще ли страшитесь его имени?“

Могъ ли я, какъ профессоръ російскаго университета, особенно въ столь знаменательное для всей Россіи время, когда она, находясь сперва въ величайшей опасности, вскорѣ озарена была блистательнѣй-

шими побѣдами,—могъ ли я въ это время предпринять что либо болѣе полезное и общаго вниманія достойное, какъ моими сочиненіями, которыхъ большая часть издана была въ это достопамятное время, возбуждать cadaго россиянина къ его патріотическимъ обязанностямъ, а наипаче стараться воспламенить и усугубить въ сердцахъ русскаго юношества священный огонь любви къ отечеству? И могъ ли я тогда предполагать, что какой либо Потоцкій, Дегуровъ, Стойковичъ, или иной кто либо изъ любимцевъ тогдашняго Харьковскаго попечителя, сдѣлаеть въ послѣдствіи такой оборотъ, что моя патріотическая приверженность къ Россіи будетъ причиною величайшаго несчастія какъ для меня, такъ и для моего семейства, или, что такіа-то мои сочиненія, которыя, по сознанию cadaго благомыслящаго россиянина, должны непременно послужить къ моей чести и пользѣ Россіи, вмѣнены мнѣ будутъ, дѣйствиємъ такой клеветы, въ преступленіе государственное?

Изданіемъ этой хрестоматіи предполагалъ я распространять не одни только патріотическія, но и совершенно нравственныя цѣли. По этому побужденію старался я выписывать изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, на каждый родъ нѣмецкаго стиля такіе образцы, которые бы имѣли самое благотѣльное вліяніе на дальнѣйшее образованіе юношества, особенно на нравственность и благочестіе. Хотя такіе образцы разбѣяны по всей книгѣ, но въ вознагражденіе этого неудобства, помѣщено въ концѣ книги такое прибавленіе, въ которомъ собраны различныя изреченія, относящіяся до важнѣйшихъ предметовъ чело-вѣческаго познанія, объясняющихъ вмѣстѣ и предназначеніе чело-вѣка. Эти изреченія выбраны изъ главнѣйшихъ писателей всѣхъ вообще народовъ, какіе только когда либо, прежде или нынѣ, достигли высшей степени образованности! Предметы упомянутыхъ изреченій суть ниже-слѣдующіе: 1) чело-вѣкъ, 2) чувственность, 3) разумъ, 4) нравственный законъ, 5) нравственная свобода, 6) должность, 7) добродѣтель, 8) высочайшее благо и безсмертіе, 9) Богъ.

Но самая сущность, цѣль и духъ моей философіи, равно какъ и всѣхъ ученыхъ моихъ занятій, объяснены преимущественно въ моемъ разсужденіи „О свободѣ чело-вѣческой способности мыслить“, которое написано было съ дозволенія философскаго факультета Харьковскаго университета, по случаю предположеннаго тогда производства одного магистра въ доктора. Дѣло происходило такимъ образомъ. Я предложилъ философскому факультету, чтобъ онъ, пользуясь такими случаями, положилъ издавать въ свѣтъ, одно за другимъ, подробныя изслѣдованія важнѣйшихъ предметовъ чело-вѣческаго познанія, предостав-

ляя мнѣ всегда назначать ищущему докторской степени какую либо важную тему, для сочиненія разсужденія, и потомъ, когда его разсужденіе будетъ одобрено, довершать мнѣ самому тоже самое разсужденіе со всевозможнѣйшимъ тщаніемъ, относительно основательности доказательствъ, и чистоты латинскаго языка. Такимъ образомъ, мало по малу, могли бы быть изданы многія, весьма занимательныя разсужденія. Ибо разсужденія, сочиняемыя студентами, особенно на латинскомъ языкѣ, въ которомъ они имѣютъ недостаточныя свѣдѣнія, не могутъ быть ни полезны, ни занимательны для ученой публики. Факультетъ одобрилъ тогда мое столько же честное, какъ и общепользное намѣреніе. Доселѣ, можетъ быть, не представлялось никогда, при подобномъ случаѣ, такого философскаго разсужденія, въ которомъ бы добродѣтель, богослуженіе и христіанское вѣроисповѣданіе защищаемы были съ такою же ревностію и искренностію, съ такимъ же краснорѣчіемъ и убѣдительностію, съ каковыми эти три предмета защищаются въ моемъ разсужденіи. Философія нынѣшняго времени частію совсѣмъ отрицаетъ, частію же представляетъ въ видѣ сомнительномъ самыя священнѣйшія и необходимѣйшія истины, почему разсужденія такого рода не только драгоцѣнны сами по себѣ, но заслуживали бы всякаго ободренія и со стороны высшаго начальства, дабы мракъ вредныхъ заблужденій тѣмъ съ большимъ удобствомъ разсѣваемъ былъ свѣтомъ истины. Но графъ Потоцкій, по одному только неодобренію и жалобѣ Дегурова, преслѣдовалъ мое разсужденіе до такой степени, что и тому, кто искалъ докторскаго званія, отказано было въ выдачѣ диплома, хотя онъ защищалъ это разсужденіе съ особеннымъ успѣхомъ и выдержалъ всѣ университетскимъ уставомъ предписанныя испытанія съ отличнымъ одобреніемъ. Столь несправедливое притѣсненіе побуждаетъ меня предложить здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этого разсужденія, служація очевиднѣйшимъ доказательствомъ его нравственнаго, благочестиваго и съ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ совершенно согласнаго духа. Цѣль разсужденія объясняется вкратцѣ въ предисловіи его такимъ образомъ. „Магистръ философскихъ наукъ, Петръ Ковалевскій, въ слѣдствіе поданнаго имъ прошенія о возведеніи его на степень доктора философскихъ наукъ, подвергался недавно, на основаніи университетскихъ по сему предмету постановленій, какъ словеснымъ, такъ письменнымъ испытаніямъ, и, выдержавъ ихъ, представилъ этико-политическому факультету свое разсужденіе „О свободѣ человѣческой способности мыслить“, удостоенное въ послѣдствіи одобренія факультета. Считаая предметъ сего разсужденія такимъ, при изложеніи коего могъ бы я, къ удовольствію любящихъ заниматься чтеніемъ философскихъ

сочиненій, объяснить вкратцѣ начало, сущность и цѣль моей философіи, я рѣшился, съ дозволенія *этико-политическаго факультета*, представить то же самое разсужденіе нѣсколько въ болѣе пространномъ видѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительность свободы человѣческаго размышленія, какъ предмета весьма важнаго по его вліянію на самое достоинство и благополучіе человѣка, доказана и объяснена была, во всѣхъ отношеніяхъ, со всевозможнѣйшею удовлетворительностію. Причина, по которой Дегуровъ напалъ и на это разсужденіе, заключалась наиболѣе въ томъ, что я опровергалъ здѣсь нѣкоторыхъ французскихъ философовъ и представлялъ новѣйшую французскую словесность опасною. Такого содержанія нижеслѣдующее мѣсто. „Если кто, начиная свое философское поприще отъ опыта, старается, отъ перваго предѣла вещественныхъ стихій, достигнуть до другаго, ему противоположнаго (природы духовъ), и изъ всѣхъ существъ вообще составить единый всеобъемлющій міръ, то начала, по которымъ онъ и необходимость физическую, и свободу независящую отъ этой необходимости, такъ какъ два совершенно противоположныя свойства отнюдь не можетъ принять за отличительные признаки одного и того же всемірія, должны непременно довести его до такого заключенія, что необходимость физическая, по его положенію, будетъ составлять существенное качество цѣлаго всемірія, а потому и всѣ дѣйствія человѣческой способности мыслить будутъ слѣдовать общему со всѣми прочими, внѣ нашего разума находящимися предметами закону необходимости, и феноменъ (явленіе) свободы, усматриваемый въ самыхъ размышленіяхъ, будетъ одинъ только обманчивый видъ, не заключающій въ себѣ ничего дѣйствительнаго. Послѣ этого, не должно казаться удивительнымъ, что, при разсмотрѣніи природы человѣческой способности мыслить, самые остроумнѣйшіе мужи впадали въ величайшія и опаснѣйшія заблужденія. Таковъ былъ *Бель*, который утверждалъ, что если бы то, всюду удобообразаемое орудіе, какое обыкновенно становится на кровляхъ зданій для показанія вѣтра, одарено было способностію мыслить, и между тѣмъ не имѣло бы ни малѣйшаго понятія о силѣ вѣтра, коимъ движется по необходимости, то и ему надлежало бы также думать, что оно одарено свободою вращаться по своему произволу. Такихъ мыслей былъ и *Боннетъ*, который, въ своемъ Психологическомъ опытѣ, изъясняется такъ“. „И въ человѣкѣ подобно тому какъ и въ предметахъ вещественныхъ, все идетъ по одному и тому же закону. Человѣкъ есть не иное что, какъ тѣлоуправственная машина, коея движенія и игривость производятся смотря по разности ея отношеній къ внѣшнимъ вещамъ. Движеніемъ производится представленіе, представ-

леніемъ соизволеніе или воля, волею свобода, т. е. феноменъ, обольщающій насъ однимъ только призракомъ свободы, хотя феноменъ этотъ самъ въ себѣ есть не иное что, какъ произведеніе своеприродной необходимости. Движенія, представленія, внутреннія дѣйствія воли, и самыя наши дѣловыполненія имѣютъ столь тѣсную связь между собою, что взаимно бываютъ и причиною, и произведеніемъ одно другаго. Между мозгомъ и разумомъ продолжается непрерывное дѣйствіе и противодѣйствіе—и въ этомъ состоитъ вся жизнь существъ такой смѣшанной природы, какъ у человѣка. Слѣдовательно феноменъ свободы проистекаетъ, по самой необходимости, изъ связи причинъ и долженъ быть изъясняемъ изъ ихъ взаимной зависимости; а эта связь отнюдь не зависитъ отъ произвола дѣйствующихъ существъ“. Ламетри, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „*Машинальный человекъ*“, изъясняется еще съ большею дерзостію, ибо онъ не только отрицаетъ дѣйствительность свободы, но и надъ всѣми прочими священнѣйшими истинами издѣвается съ явною безсовѣстностію и нечестіемъ. Таковой образъ философствованія, именуемый вездѣ, хотя и весьма справедливо, философіею естественною, принимается за высочайшую мудрость не только между большею частію ученыхъ французовъ, именующихъ себя философами, да и всѣ почти французы заражены имъ до такой степени, что изъ этого только всеобщаго развращенія умовъ и сердецъ можно объяснить всѣ тѣ вѣчнаго проклятія достойныя злодѣйства, каковыми Франція, со времени насильственнаго ея переворота по дѣламъ гражданскимъ, оскверняла себя донинѣ. Таковыми заразительными началами напоены и всѣ почти сочиненія новѣйшихъ французскихъ писателей, особенно тѣхъ, кои кажутся занимательными по ихъ остроумію, учености, изяществу слога и инымъ искусственнымъ украшеніямъ, служащимъ къ уловленію и обольщенію читателей“.

А что разсужденіе это заключаетъ въ себѣ не только новыя и непоколебимыя основанія *одной изъ важнѣйшихъ истинъ*, но есть вмѣстѣ и убѣдительнѣйшая апологія добродѣтели, богослуженія вообще и христіанскаго въ особенности, это видѣть можно, кромѣ иныхъ мѣстъ, изъ нижеслѣдующаго извлеченія: „Истина, судя по ея началу, не есть нѣчто умозрительное, но дѣятельное, т. е. ея первоначальное жилище заключается не въ способности *умствованія*, или, какъ говорятъ иные, не въ разумѣ *умозрительномъ*, но въ *сердцѣ чистомъ*: по сему-то *страхъ Господень есть начало всякой премудрости* (Пс. СХ., 10); по сему-то и самая премудрость никогда не *входитъ въ злоудожную душу*, ниже обитаетъ въ *тѣлеси, повиннѣмъ грѣху* (Притч. 1. 7). Но эта же дѣятельная истина, если она утверждается на одномъ только расположе-